
Редакционная коллегия:

акад. В. П. ВОЛГИН (*отв. редактор*), акад.
Б. Д. ГРЕКОВ, Е. М. ЖУКОВ, С. П. ТОЛСТОВ
В. В. АЛЬТМАН (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Акад. Б. Д. Греков. Ленин и историческая наука	3
Чл.-корр. АН СССР И. И. Минц. Емельян Михайлович Ярославский (1878—1943)	16
И. С. Завяич. Союз между Россией и Швецией в 1812 г.	26

Авторыфераты

Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции в XVII в.	27
Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси	40

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

BULLETIN
DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS
SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

Том I № I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва ★ 1944 ★ Moscow

Ответственный редактор
академик В. П. ВОЛГИН

Ответственный секретарь В. В. АЛЬТМАН

АКАДЕМИК Б. Д. ГРЕКОВ

ЛЕНИН И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Много сложных и глубоких ассоциаций связано в наших представлениях со словом «Ленин». Вождь победоносного пролетариата, вдохновитель и руководитель революции, воспитатель целого поколения борцов за социализм, философ и публицист, человек, именем которого отмечен целый период в истории народов как нашей страны, так и стран зарубежных, юрист и ученый историк, кропотливо работавший над изучением источников, поглощавший огромное количество книг по истории различных стран мира и прежде всего России и воплотивший свои наблюдения и выводы в ряде исключительных по своему значению исторических произведений.

Я не ставлю себе целью полностью охватить духовную жизнь этого многогранного человека. Поэтому я считаю долгом заранее определить свою очень скромную, единственно для меня посильную и в то же время почетную и ответственную задачу. Я хочу говорить о Ленине только как об ученом исследователе-историке, причем считаю необходимым и здесь оговориться, что речь будет идти только о самом важном, только о контурах его ученого облика, без претензий на сколько-нибудь исчерпывающую характеристику всего, что сделано им в области истории.

Без теории нет науки вообще, и в области исторических наук уже давно пришли к этому заключению. Теорий в течение XIX в. в обиходе историков было не мало, и это одно уже говорит об их неустойчивости и недолговечности. Некоторые из этих теорий просто грозили уничтожить историческую науку как науку и предлагали зачислить историю в область знания, изображающую единичное и неповторимое, отказывались от установления закономерностей (теория Виндельбанда, Риккерта, Эдуарда Мейера). С этих позиций критиковались подлинные достижения исторической науки, скажем — таких крупных исследователей, как Морган, с его открытиями в изучении первобытного общества, или Маурер — в изучении феодализма. Нельзя сказать, что историки второй половины XIX в. ничего не знали о Марксе. Знали, конечно, все. Но одни знакомство с ним не считали для себя необходимым, другие не умели понять его до конца; были и такие, которые открыто боролись с ним именно потому, что он являлся революционером в науке.

В. И. Ленин в этом хаосе разнообразных, противоречивых и борющихся между собою теорий очень рано определил свое место.

«Как Дарвин,— писал 24-летний Ленин,— положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на

научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Восприняв марксизм как философское учение, как единственно научное понимание общественных явлений, Ленин всю жизнь с полной убежденностью боролся с теми, кто готов был считать марксизм вероучением, а его последователей «сектантами». Ленин ясно видел, что теория Маркса выросла из недр подлинной конкретной жизни, как ее обобщение.

Уже в полном расцвете сил, на 44-м году своей жизни, В. И. со всей страстностью и сокрушительной силой полемизировал со Струве, одним из «марксоедов» (выражение Ленина), распространившихся в России после 1905 г. В этой полемике Владимир Ильич счел необходимым напомнить, что марксизм явился не вдруг, что он имеет длинную предисторию в работах экономистов, историков и философов XVIII и XIX вв.; созданная Марксом теория является законным преемником всего лучшего, что создало человечество, высшим развитием «всей исторической и экономической и философской науки Европы»².

Учение Маркса об общественно-экономических формациях, последовательно и закономерно сменяющих друг друга, причем так, что в каждой из формаций имеются элементы умирающие и элементы растущие, тем самым позволяющие историку не только следить за тем, как текла жизнь, но и как она течет, что в этих сплетающихся потоках обречено и чему предстоит будущее,— Ленин и признал основой материалистического понимания истории. По глубочайшему убеждению Ленина, тот, кто хочет не только изучать историческую жизнь людей, но сознательно участвовать в ее перестройке, в устранении объектов понятого зла, должен быть историком-марксистом. Марксизм — «единственное научное понимание»³ истории. Отсюда уверенность и непоколебимость Ленина и как исследователя и как исторического деятеля, отсюда его неотразимость в полемике, отсюда сознание необходимости всегда быть историком, т. е. распознавать в каждом общественном явлении его корни, его рост, элементы отмирания и здоровые побеги будущего.

Понятно, почему Ленин особенно внимательно следил за тем, что делается в области исторических наук, и сам принимал активнейшее участие в разработке исторических проблем. Ленин жил как раз в то время, когда в среде историков-профессионалов шла жестокая борьба: время было горячее. Россия была поставлена в необходимость заняться переоценкой своих ценностей.

Невозможно в краткой статье изобразить сколько-нибудь полно идейную борьбу в российском обществе 90-х годов XIX в. и первых десятилетий XX, этих самых бурных и решающих годов. Поэтому я остановлюсь только на главнейших вопросах, стоявших перед исторической наукой этого периода,— на вопросах, в разрешении которых принимал непосредственное участие сам В. И. Это были проблемы, связанные с пониманием всего российского исторического процесса и в конечном счете сводящиеся к вопросам, куда идет Россия и что нужно делать тем, кто не хотел отставать от жизни.

В середине XIX в. развернулся жаркий спор о сущности и судьбах русской общины. Защитники ее исконности и незыблемости видели в ней гарантию от возникновения в России пролетариата, с появлением которого связывали европейские революции и капитализм. Многим, прини-

¹ Ленин, Соч., I, стр. 62—63.

² Ленин, Соч., XVII, стр. 275—276.

³ Ленин, Соч., I, стр. 63.

мавшим участие в споре, казалось, что от капитализма Россия действительно гарантирована. «Во всех государствах Западной Европы,— писал исследователь русской народной жизни и в особенности сельских учреждений России австрийский барон Август Гакстгаузен в 40-х годах XIX в.,— существуют предвестники социальной революции против богатства и собственности. Ее лозунг — уничтожение наследства и провозглашение прав каждого на равный участок земли. В России *такая* (подчеркнуто автором — Б. Г.) революция невозможна, так как эти мечты европейских революционеров имеют уже свое реальное осуществление в русской народной жизни»¹. Тот же Гакстгаузен, правда, отмечал и другой факт: «Последнее время Россия сделала необыкновенные успехи в фабричной деятельности». Но «очень сомнительно,— продолжал автор,— чтобы это имело благоприятные результаты»². Гакстгаузен исследовал общественные отношения России до освобождения крестьян. Когда его книга переводилась на русский язык, реформы 60-х годов уже были позади. Но переводчик, снабдивший книгу своим предисловием, был убежден, что «освобождение крестьян имеет почти исключительно одно моральное значение, не сделавши серьезных изменений в экономическом быте»³.

Во второй половине XIX в., особенно в конце его, уже труднее было верить в то, что Россия отгорожена карантинной стеной от «больной» Европы. Казалось бы, и спор должен был прекратиться. Но на самом деле было не так. Народники, возглавляемые Н. К. Михайловским, еще продолжали стоять на этих устаревших позициях и верили, что Россия может пойти в своем развитии иным, не капиталистическим путем. Вопрос этот не был «академическим». Ученые, бросившиеся с новой энергией на изучение русской общины, несомненно искали ответа на запросы текущей жизни. Один из крупнейших для своего времени специалистов по этому вопросу В. А. Соколовский в 1877 г. писал: «Будем надеяться, что пример западных стран, сожалеющих теперь, в лице лучших представителей науки, о преждевременном уничтожении общины, и беспристрастное отношение к насущным интересам народа спасут русское крестьянство от новых испытаний и что напротив ему будет предоставлена большая, против теперешнего, возможность развивать далее свои излюбленные формы быта». Другие ученые, видя безнадежность этой позиции, решили бороться с бродившим по Европе «призраком» с другого конца. Ведь и сама община о двух концах. Она сама в представлении ученых этого направления могла подготавливать почву для социализма.

В 1900 г. стали появляться многочисленные статьи крупнейшего представителя тогдашней университетской науки по истории русского права В. Н. Сергеевича, обобщенные им самим в III томе его известных «Русских юридических древностей», где он пытается снять вопрос об общине, объявив ее отсутствующей в нашей древней истории. В этом отношении у него уже был предшественник, хотя и не столь решительный, настаивавший на том, что община исчезла очень рано [«вольная община исчезла перед нею (княжеской властью.— Б. Г.), не оставив по себе и следа в историю»⁴] и что в дальнейшем она была вновь построена государством для своих надобностей.

Сергеевич опасный противник, потому что он умел ставить вопрос широко и умел облекать свои мысли в увлекательную форму. Он вы-

¹ Август Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Перевод с немецкого Л. И. Рогозина, М., 1870, стр. XIX. Перевод вышел 23 года спустя после оригинала.

² Там же, стр. XX.

³ Там же, стр. IX.

⁴ Б. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1838., стр. 11.

ступал не только и не столько против своих русских оппонентов, но и против представителей западноевропейской науки, начиная с Маурера, за которым идут Рошер, Вайц, Зом, Лавле, Мэн, Гаронне и многие другие. С явным удовольствием он находит себе союзника в лице Фюстель-де-Куланжа. Сергеевич с удовлетворением отмечает, что после работ Фюстель-де-Куланжа «мнения противоположные, основанные единственно на догадках, должны быть оставлены». Среди русских его противников самым опасным был С. М. Соловьев с его теорией органического развития общественных отношений, начиная от родового общинного строя — теорией, положенной в основу его гигантского труда по истории России с древнейших времен.

В. И. Сергеевич с блеском, присущим его таланту, старался доказать, что вопросы о роде и общине — это лишь вопросы моды и веры, что русской общины как одной из органических форм и этапов в развитии общества совсем и не было, что русскую общину создало государство для временных своих целей (образование общин падает, по его мнению, на XV и XVI вв.). Исходя из своего положения, что частная собственность на землю — явление исконное во всех обществах, он с легкой иронией критикует и Соловьева и Павлова-Сильванского, сумевшего в своей ранней работе показать не только древность русской (и не русской) общины, но и ее эволюцию в период ее столкновения с растущим крупным землевладением в процессе возникновения феодализма. При этом Павлову-Сильванскому достается не только за его общину, но и за феодализм, за последовательно проводимую им полную аналогию развития России с развитием западноевропейских обществ.

Интересно отметить, что Милюков, во многом с Сергеевичем расхоdivшийся, в рассматриваемом вопросе был к нему очень близок. Мы находим у него то же отрицание закономерности в истории, то же непризнание древности русской общины. Милюков утверждает, что не только община была создана государством, но и русская мануфактура и русский город. В России мануфактура и фабрика — пишет П. Н. Милюков — не успели развиваться органически, из домашнего производства под влиянием роста внутренних потребностей населения. Они созданы были впервые правительством. Русский город «раньше чем понадобился населению, понадобился правительству»¹. Для Милюкова — пожалуй еще в большей степени, чем для Сергеевича — история России есть полная противоположность истории Запада, она идет по своему особому пути.

С другого берега, куда старалась не заглядывать университетская наука, мы слышим громкий голос Н. К. Михайловского, создавшего на базе критики основ марксизма свое собственное учение об обществе. В приложении к России это учение должно было служить доказательством уже знакомого нам особого пути, идущего мимо капитализма. Русь крепка своим общинным крестьянским строем — достаточно-де закрепление этого строя и передачи общинам в их распоряжение всей земли, и Россия пойдет вперед без язв капитализма. Не легко было обосновать эту теорию в то время, когда капиталистические отношения в России были уже фактом достаточно очевидным, не замечаемым только теми, кто либо не хотел его замечать, либо не умел наблюдать и делать из своих наблюдений выводы.

Нельзя забывать, что в это же время уже хорошо были известны и работы Максима Ковалевского, являвшиеся продолжением знаменитой книги Моргана «Древнее общество», был написан и труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но как это ни

¹ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. I, стр. 85, 239.

странно может показаться с первого взгляда, специалисты-историки России, очень интересовавшиеся историей русской общины (родовой и соседской), почти не заметили того, что произошло в науке как раз по вопросу, столь для них близкому. Павлов-Сильванский, представлявший в этом отношении исключение, хотя и он не полностью использовал эти возможности, был признан лишь очень немногими. Корифеи отнеслись к нему либо снисходительно поучительно, как к еще неустоявшемуся новатору, который откажется от своих заблуждений, лишь войдет в возраст, либо совершенно отрицательно.

Для моих целей достаточно приведенных примеров. Я должен был их привести, чтобы показать сложность обстановки и подчеркнуть те наиболее острые вопросы, которые стояли в рассматриваемый период перед исторической наукой в России,— вопросы, мимо которых нельзя было пройти никому, кто добросовестно хотел найти свое место среди охватившего различные слои общества возбуждения. Это были вопросы: 1) о роде и общине, как начальных фазах в развитии общества, 2) о русском феодализме, как показателе закономерного и аналогичного с другими странами Европы развития России; 3) о зарождении в недрах феодального общества капиталистических отношений и о дальнейшем их росте. Все эти три крупнейшие научные проблемы можно свести к одной всеобъемлющей, именно к проверке положения о том, что Россия якобы идет своим собственным путем, не похожим на путь Западной Европы с ее пролетариатом и революциями.

В. И. Ленину пришлось жить в это идейно насыщенное время. Он пришел в университет, к источнику научного знания. Несомненно он взял у этого источника много. Он не только сам использовал накопленные веками знания, не только усвоил технику научной работы, но и завещал тем, кому пришлось строить новую жизнь,— идти впереди и новыми путями,— не отказываться от старого наследства. Мимо него не прошло ничто, что так или иначе могло помочь ему найти тот путь, который он мог бы считать единственно правильным. А если принять во внимание его исключительную требовательность к самому себе, исключительную добросовестность в добывании научных выводов, то мы легко пойдем, как много должен был работать этот гениальный человек.

Ленин ничего не принимает на веру ни в области теории, ни в области конкретных изысканий. Он ищет убедительных доказательств и предпочитает оставлять вопрос нерешенным, нежели делать заключения без достаточных оснований. Вот характерный пример. Первая статья Павлова-Сильванского с робкими намеками на феодализм в России (закладничество — патронат) появилась в 1897 г. В 1900—1902 гг. вышли его уже более уверенные статьи «Иммунитет в удельной Руси» и «Феодальные отношения в удельной Руси», и только в 1907 г. появилась его небольшая книга «Феодализм в древней Руси». Ленин внимательно следил за развитием дискуссии по этому предмету. Он сам в это время уже был автором известной работы «Что такое «друзья народа»...?», в которой дал ряд ответов на волновавшие науку вопросы. Но первые работы Павлова-Сильванского его еще не окончательно убедили. Крайнюю требовательность и осторожность он проявил даже в терминологии.

Основной идее работ Павлова-Сильванского — разрушению старой догмы «особого пути» развития России — В. И. Ленин не мог не сочувствовать, так как еще раньше Павлова-Сильванского он сам продумал вопрос по существу и разработал его основные положения. Человек, который на фактах истории родной страны проверил учение Маркса о докапиталистической земельной ренте, человек, который, стоя именно

на этих позициях, писал в 90-х годах исследование о развитии капитализма в России, не мог не сочувствовать тому движению в русской науке, которое шло навстречу его собственным мыслям.

В предисловии к своей книге «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич между прочим писал: «Интересно отметить, до какой степени тождественны основные черты... этого общего процесса в Западной Европе и в России, несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во вне-экономическом отношении»¹.

В это время вопрос о феодализме в России В. И. для себя уже решил положительно. Рассматривая вопрос о переходе русских землевладельцев от барщинного хозяйства в капиталистическому, В. И. считает необходимым очертить весь путь, пройденный русским хозяйством с древнейших времен до установления в России капиталистических отношений. По плану своей книги он не мог сделать этот очерк сколько-нибудь полным, но тем не менее мысли его в этом направлении изложены совершенно четко. Систему сельского хозяйства в докапиталистическое время В. И. называет «барщиной», покоящейся «на господстве *натурального* хозяйства»². Но пользуясь наиболее популярной в его время терминологией, В. И. в то же время прибегает к термину, оспариваемому в его время, и громко произносит слово «*феодализм*».

«При натуральном хозяйстве,— пишет Ленин в той же книге,— общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, *феодалных* поместий)»³. Итак, помещик — это феодал, значит поместье — феодал. Далее, расшифровывая понятие барщинной системы, В. И. напоминает, что Маркс подводит этот хозяйственный режим под категорию *отработочной* ренты⁴ и отсылает при этом своего читателя к тому месту своей книги, где он резюмирует 47-ю главу III тома Капитала Маркса, т. е. главу о «Генезисе капиталистической поземельной ренты», подчеркивая при этом, что это учение Маркса он сам кладет в основу своего труда. В этой именно главе Маркс дает наиболее глубокий анализ феодализма на всех этапах его эволюции.

В. И. Ленин, связанный хронологическими рамками своего специального исследования, охватывает тем не менее весь процесс в целом. Это видно из его замечания о том, что отработочная система, предмет его внимания, стара, как старо в России крепостничество, а последнее господствует по Ленину с «IX по XIX век»⁵. «Отработки в России,— пишет Ленин,— держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена Русской Правды)»⁶. К этой же мысли он возвращается и в другом месте книги: «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времени Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем»⁷. В черновике, изданном в «Ленинском сборнике», он снова повторяет: «И «свободный» русский крестьянин в XX веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно* так же, как в XI веке «шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян Русская Правда) и записывались за помещиками»⁸. В 1914 г. В. И. совершенно определенно расшифровывает свое понимание термина

¹ Ленин, Соч., III, стр. 7.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 15. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ Ленин, Соч., XVII, стр. 514.

⁶ Ленин, Соч., III, стр. 150.

⁷ Там же, стр. 242.

⁸ Ленинский сборник, IV, стр. 237.

«отработочная система». Пережитки отработочной системы в России он называет «пережитком феодализма». Ясно, что В. И. признавал наличие феодальных общественных отношений в России уже в 90-х годах, т. е. до выступления Павлова-Сильванского, что, однако, не мешало В. И. пристально следить за смятением, произведенным Павловым-Сильванским в нашей науке.

Неоднократное возвращение В. И. ко временам «Русской Правды» не случайность. «Русская Правда» служила ему отправной точкой для суждения об историческом развитии России в целом. Надо сказать с полной ответственностью, что В. И. не только прекрасно ее знал, но и внес в ее понимание (а это дело очень нелегкое) много ясности. Кто, например, из историков XIX в. мог бы сказать, что в «Русской Правде» уже есть крепостное право, когда в тогдашней университетской науке спор велся только о том, в конце ли XVI или в середине XVII в. возникло это право, участвовала или не участвовала в его установлении государственная власть. Мысль о том, что крепостные отношения имеются уже в Киевской Руси, мог высказать только тот, кто знал, что крепостное хозяйство есть хозяйство феодальное, и кто время «Русской Правды» считал временем феодальным.

Характер барщинного феодального хозяйства В. И. изображает совершенно ясно. Эта система определяется господством натурального хозяйства, наличием у непосредственного производителя, крестьянина, средств производства, прикреплением его к земле и подчинением землевладельцу. Правда, давая эту характеристику, В. И. имел в виду состояние русского сельского хозяйства накануне освобождения крестьян, когда господствовала именно барщинная форма эксплуатации крестьянина. Но, когда В. И. по ходу дела говорит о средних веках вообще, он признает и другие чисто феодальные формы эксплуатации крестьянина — ренту продуктами и ренту денежную. Рассматривая последовательную смену форм докапиталистической земельной ренты как прогрессивные периоды в развитии феодальных общественных отношений, он после первичной примитивной отработочной ренты говорит вслед за Марксом о ренте продуктами и подчеркивает при этом перемену к лучшему в экономическом и правовом положении зависимых крестьян. Он видит тут первое расширение самостоятельности «зависимых крестьян»¹. В трактовку следующего периода, периода денежной ренты, В. И. вносит очень серьезное замечание, значение которого часто мы не доучитываем и сейчас. Это — замечание о том, что «Надо строго отличать денежную ренту от капиталистической поземельной ренты; последняя предполагает в земледелии капиталистов и наемных рабочих; первая зависимых крестьян»².

Итак, вся система общественных феодальных отношений была продумана В. И. до глубины и использована для объяснения русского исторического процесса уже в 90-х годах XIX в., т. е. раньше, чем Павлов-Сильванский начал, как специалист по истории средневековой России, свой детальный пересмотр источников и приступил к разрушению господствовавшей до этого историко-политической догмы.

Другая крупнейшая проблема (об общине и роде) в 90-х годах, не только, как мы уже видели, не снятая, но еще более актуальная в связи с обострением политической борьбы, конечно, не могла не интересовать В. И. уже потому, что на определенное ее решение опирались народники с Н. К. Михайловским во главе, т. е. его главные противники. Народники думали, что разум и воля отдельных людей могут повернуть колесо истории и избавить Россию от отрицательных сторон капитализма, пол-

¹ Ленин. Соч., III, стр. 127.

² Там же, примечание.

ностью обнаружившихся в Западной Европе. Михайловский находил в прошлом и настоящем России такие элементы, за которые «можно ухватиться для предотвращения неправильностей европейской цивилизации»¹. В. И. Ленин, конечно, прекрасно видел отрицательные стороны капитализма, но он имел другое представление о ходе исторической жизни вообще и русской в частности, поэтому учение народников называл «разновидностью обще-европейского романтизма»².... В замечательном труде «Что такое «друзья народа»...?» В. И. Ленин высказал свое научно обоснованное мнение как о происхождении общины, так и о дальнейшей ее судьбе в России. Не семья, а род и племя господствовали в доисторическую эпоху. Моногамная семья — явление более позднее. Не общинные отношения, этот пережиток глубокой старины, были ведущими в истории средневековой России и тем более позднее. Формирование Московского государства вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, в результате чего и произошла концентрация небольших местных рынков в один всероссийский рынок, что и создало базу для образования Московского государства. Руководителями и хозяевами этого процесса были не крестьянские общины, а капиталисты-купцы, поэтому и «создание национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных».

Используя новые достижения науки по вопросу о русской общине, Ленин перевел весь вопрос на новый путь, связал новое представление об общине со всем процессом исторического развития России и тем самым подготовил решение основной интересовавшей его проблемы — развития в России капиталистических отношений. «Доброму народнику и в голову не приходило, — писал Владимир Ильич, — что покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев»³.

В своих суждениях о будущем В. И. Ленин исходил из того положения, что общественная жизнь течет закономерно и человек, желающий найти свое место в жизненном процессе, должен изучить его пути, должен разобраться в его противоречиях, должен уметь определить, по выражению И. В. Сталина, «кто растет и кто стареет в жизни». А это можно сделать только при помощи объективной науки, с которой народники несомненно были не в ладах. В. И. отказался от романтизма и стал на строго научную почву. Сила критики Владимира Ильича, сила его выводов объясняется именно тем, что явления капиталистического характера в России XIX в. он расценивал не как нечто случайное и преходящее, а как следствие всей предшествующей истории России. Он прекрасно видел, что именно тут растет и что стареет. Вот почему он мог так успешно бороться с народниками.

Книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» является образцом исторического исследования, где сочетание теории с исследованием конкретного материала дано в совершенном виде, где нет случайных тем, где все детали поставлены на свои места и где выводы обоснованы и аргументированы. Незачем разбирать сейчас эту книгу подробно. Она всем известна. Вместо общего обзора научного творчества В. И., можно было бы сделать разбор только этой его книги, и Ленин

¹ Н. К. Михайловский. Соч., X, СПб., 1913, стр. 9.

² Ленин. Соч., III, стр. 103.

³ Там же, стр. 248.

как историк, со всеми его научными приемами, был бы вскрыт полностью.

Сюжетно книга В. И. состоит из двух частей, конечно неразрывно связанных между собой. Первые четыре главы касаются развития капитализма в сельском хозяйстве, V—VII главы рассматривают тот же процесс в промышленности, и последняя VIII, заключительная глава отвечает на главный вопрос — об образовании внутреннего рынка. Эту проблему В. И. считал основной. Он сам писал об этом так: «Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда»¹. «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»².

Следя за общими симптомами победоносно идущего капитализма, В. И. Ленин вскрывает две возможности, два пути, по которым может пойти русское сельское хозяйство в направлении капиталистическом: «Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего...». «Возможны, конечно,— пишет он,— бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху»³. По мнению В. И., высказанному уже позднее, в 1907 г., «в экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа «эволюции»⁴. Но проведенная крепостниками реформа 1861 г. уже предрешила первый путь развития («прусский»), т. е. медленное перерастание крепостнического помещичьего хозяйства в буржуазное, тем самым осуждая крестьянское хозяйство «...на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гросбауеров» («крупных крестьян»)»⁵.

В истории промышленности В. И. наметил три этапа: мелкая крестьянская промышленность, капиталистическая мануфактура и крупная машинная индустрия. Тем самым он решил по-своему проблему, вокруг которой шли споры,— проблему происхождения капиталистической мануфактуры. По мнению Ленина, она идет не от крепостной помещичьей мануфактуры, а от кустарных промыслов и крестьянских мастерских XVII в.

Сам В. И. прекрасно понимал значение этого своего труда. В предисловии ко второму его изданию 1908 г., т. е. 9 лет спустя после выхода первого,— а в этот промежуток времени произошло много событий,— Ленин писал, что его анализ общественно-хозяйственного строя подтверждается выступлением всех классов в ходе революции, что экономическая основа революционного движения в его книге доказана. «Чем кончится эта борьба, каков будет окончательный итог первого натиска российской революции,— сейчас еще нельзя сказать. Поэтому не настало еще время... для полной переработки настоящего сочинения». А через год в письме к И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. он так формулировал смысл своей книги: «Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в

¹ Ленин. Соч., III, стр. 40.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 12—13.

⁴ Ленин. Соч., XI, стр. 348—349.

⁵ Там же.

помещицком хозяйстве, и в крестьянском, и вне, и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, не иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным»¹.

Ленин проверял свои выводы, наблюдая течение подлинной жизни. Его книга выдержала все испытания. Наблюдения над фактами общественной жизни, их анализ давали Ленину ответ на вопрос, что надо делать сегодня, что надо ожидать в ближайшем и даже не очень близком будущем, что надо поддерживать и с чем надо бороться. Наблюдения над прошлым давали ему базу для программы действия в настоящем. Историк был в то же время политиком. Политика основывалась на научном исследовании. «1861 год породил 1905-ый», — пишет В. И. в 1911 г. «Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах»². На основании анализа условий, в каких протекала русская революция 1905 г., на основании наблюдений над тем, что происходило в это время в области политической жизни, техники и военного искусства, В. И. произносит пророческие слова: «...победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!»³.

Поскольку В. И. проверял свою книгу о развитии капитализма в России на фактах текущей жизни, той жизни, в которой сам он принимал непосредственное участие, естественно он должен был ее и дополнять новыми фактами, дававшими ему основание делать и новые выводы. Ему, который поставил себе целью не только изучать жизнь, но и переделывать ее, приходилось самое большое внимание уделять сегодняшнему и завтрашнему дню, конечно не забывая вчерашнего. Характеристику своего «сегодня» он дал в известной книге «Империализм, как новейший этап капитализма». Как он сам пишет в предисловии к французскому и немецкому изданиям этого труда, его задача «показать..., какова была *утоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства в его международных взаимоотношениях в начале 20-го века, накануне первой всемирной империалистической войны»⁴. Основной свой вывод Ленин формулирует так: «Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм»⁵. В нем «частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна гнить, если искусственно оттягивать ее устранение, — которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое... время, но которая все же неизбежно будет устранена»⁶. В другой своей работе, относящейся к тому же периоду его творчества, «Военная программа пролетарской революции» Ленин, развивая свое учение, приходит еще к одному, не менее важному выводу. Поскольку «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах... социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах»⁷.

¹ Ленин. Соч., XIV, стр. 213.

² Ленин. Соч., XV, стр. 146.

³ Ленин. Соч., X, стр. 53.

⁴ Ленин. Соч., XIX, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 173.

⁶ Там же, стр. 174.

⁷ Там же, стр. 325.

Совершенно понятно, почему В. И. в своих исторических исследованиях больше всего интересовался экономическими вопросами. Но мы бы сделали очень большое упущение, если бы не напомнили, что В. И. уделял очень много внимания и другим сторонам жизни России и прежде всего истории государственной власти. И здесь В. И., пересматривая старые представления об эволюции форм государственной власти в России, вносит в эти представления свое новое понимание и обоснование.

«Развитие русского государственного строя за последние три века,— пишет он в 1911 г.,— показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничью-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—10 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны»¹.

Еще яснее те же мысли выразил В. И. в том же 1911 г. в другой своей статье «По поводу юбилея» (крестьянской реформы 1861 г.— Б. Г.). «Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения»².

Не трудно заметить, как Ленин объясняет все перемены в государственном строе России, начиная с XVII в., т. е. со времени окончательного оформления русского самодержавия. Каждая новая форма в развитии русского самодержавия результат изменившегося соотношения классовых сил. Смысл каждой новой формы самодержавия заключается в попытке господствующего класса укрепить власть путем новых классовых опор. Чем вызываются поиски этих новых опор,— с необычайной яркостью разъясняет В. И.: «Бонапартизм,— пишет он,— есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору,— монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть,— заигрывать, чтобы управлять,— подкупать, чтобы нравиться,— брататься с прямыми подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией,— не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!»³.

Это глубокое понимание сущности русского самодержавия и тех устоев, на которых оно держалось, позволяет Ленину в 1911 г. совершенно четко произнести приговор самодержавию: «Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в

¹ Ленин. Соч., XV, стр. 83.

² Там же, стр. 96.

³ Ленин. Соч., XII, стр. 377.

буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути... «Столыпин умерщвлен был тогда, когда стучится в дверь новый могильщик — вернее, собирающий новые силы могильщик — царского самодержавия»¹.

Мы так привыкли к ленинским мыслям, эти мысли составляют часть того интеллектуального воздуха, которым мы все дышим. Но стоит показать хотя бы на одном примере, как новы в свое время были соображения Ленина и какое они должны были тогда производить впечатление.

Вот, скажем, студент или даже профессор только что прочел соображения Ленина, как и почему эволюционировала государственная власть в России. Прочел и, конечно, задумался, потому что на столе у него лежит книга П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», где о русском государстве написано: «Европейское общество и государство строилось, так сказать «снизу вверх»: централизованная государственная власть там, действительно, явилась, как высшая надстройка над предварительно сложившимся средним слоем феодальных землевладельцев... У нас же... общество строилось сверху вниз: центральная политическая власть закрепила под собой военно-служилый класс... а этот служилый класс закрепил под собой крестьянство, продолжавшее еще бродить по русской земле и сядившееся на землю, большую частью, на положении временных поселенцев, на условиях частного найма»².

Читатель в полном недоумении. Действительно ли русский крестьянин бродит, лишь временно соприкасаясь с землей, действительно ли на Руси не создалось крупных землевладельцев, способных осуществить свои политические задачи. А если относительно крестьянина и землевладельца Милюков ошибся, то может быть и его понимание роли государства требует пересмотра. Читатель паталкивается на другое представление о Руси: крестьянин сидит прочно из поколения в поколение на земле, крупное землевладение уже существует в совершенно четком и развитом виде в «Русской Правде», а уже по договорам Руси с греками видно, что «крупная землевладельческая знать держит в своих руках власть, следовательно обнаруживает и свое наличие и свою силу. Выходит как будто, что никакой принципиальной разницы в развитии России и западноевропейских государств нет. Но это же и будет именно то, на чем настаивал В. И. Ленин.

Это только один из примеров, число которых можно было бы сильно умножить.

Характеристика В. И. как историка будет неполной, если мы хотя бы кратко не напомним, что он занимался изучением не только России. Всякий, кто возьмет в руки любой том его сочинений, сразу же увидит, как широк круг его исторических интересов, как легко он проводит параллели, как глубоко и по-своему, по-ленински понимает историю любой страны. Ленин много говорит об античных государствах, о средневековых и новых, европейских и азиатских, постоянно обращается к истории Америки. Специалист по истории любой страны с большой пользой для себя может и должен прислушаться к суждениям Владимира Ильича. История России у Ленина никогда не отрывается от истории мировой.

¹ Ленин. Соч., XV, стр. 225.

² П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, изд. пятое, стр. 143—144.

В чем же сила Ленина? Почему он неотразим в научном споре? Почему его мысли не стареют?

Мне хотелось бы ответить на этот вопрос словами самого Владимира Ильича. В «Детской болезни «левизны» В. И., ссылаясь на раннего Каутского, поясняет что «хорошо писал» тогда Каутский потому, что писал *«как историк»* (подчеркнуто мной.— Б. Г.). Тут В. И. сказал то, что помогает нам определить его отношение к исторической науке. Значит, по его убеждению, для того, чтобы правильно рассуждать по общественно-политическим вопросам и «хорошо писать», необходимо быть историком. Но,— прибавлю от себя,— как во всякой области знания есть специалисты разного калибра, так и в истории не всякому историку в одинаковой мере дан дар глубины проникновения в прошлое и настоящее; что же касается будущего, то это дано только исключительно одаренным единицам. В. И. был всегда историком и таким историком, каких мало мы можем насчитать за все время существования нашей науки.

Ленин — историк-марксист, он несомненный ученик Маркса, но ученик, развивший положения своего учителя дальше. «...необходимо усвоить себе ту бесспорную истину,— писал он,— что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня...»¹. Марксизм как наука, не стоит и не может стоять на одном месте,— она развивается и совершенствуется,— читаем мы в Кратком курсе истории ВКП(б)— «...в своем развитии она не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, а отдельные ее положения и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям».

«Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить существо этой теории и научиться пользоваться этой теорией...»².

Ленин и был именно таким историком-марксистом. Он обогатил марксистскую теорию новым опытом, развил ее и двинул вперед. Эта теория позволила ему одинаково тонко и глубоко разбираться как в исторических источниках, так и текущей жизни. И совершенно закономерно мы эту теорию называем сейчас марксизмом-ленинизмом.

В наши дни основные положения марксизма-ленинизма получили дальнейшее развитие в работах товарища Сталина. Сталин — это Ленин сегодня. Нет буквально ни одного произведения, ни одного выступления товарища Сталина, которое не проливало бы свет на тот или иной вопрос нашей науки. Совершенно исключительное значение имеет для историков написанная Сталиным глава о диалектическом и историческом материализме в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Не изучая самым тщательным образом работ Ленина и Сталина, нельзя быть современным передовым историком.

¹ Ленин. Соч. XX, стр. 100—101.

² Краткий курс истории ВКП(б), изд. 1938 г., стр. 339—340.

Член-корреспондент АН СССР И. И. МИНЦ

ЕМЕЛЬЯН МИХАЙЛОВИЧ ЯРОСЛАВСКИЙ
(1878—1943)

Связь Е. М. Ярославского с Академией Наук установилась давно — за 40 лет до его избрания в академики.

Уже в 1897—1902 гг. тов. Ярославский состоял в переписке с Венским и Юрьевским ботаническими садами. В 1901—1902 гг., занимаясь флорой Забайкалья, он часто писал в Академию Наук. Почетный член Императорского русского географического общества Г. А. Стуков в свое время отметил и подтвердил специальным удостоверением плодотворности ранней научной деятельности Емельяна Михайловича.

Но в тот момент наука не стала призванием тов. Ярославского. Он рано понял, что нужно смести препятствие, тормозящее развитие всей страны, мешающее широкому развитию науки, — прогнивший насквозь царизм, — только тогда в свободной стране действительно расцветет наука. Сама обстановка, в которой рос тов. Ярославский, — в том числе семейная, — приводила его к такому выводу.

Родился Емельян Михайлович 19 февраля 1878 г. в Чите, Забайкальской области. Отец его — крестьянин из ссыльнопоселенцев, в молодости скорняк, а потом учитель. Мать — дочь баргузинского рыбака, поденщица. Сам город был местом политической ссылки для землевольцев, народовольцев и членов других политических партий, там жили десятки революционеров, отбывших Кавказскую и Нерчинскую каторгу. С раннего детства Ярославский вращался в среде революционеров 60 и 70 х годов. Мать его обучалась грамоте в семье одного из декабристов — Смольянинова. Даже школа — девяти лет Емельян Михайлович поступил в городское училище — имела учителей из ссыльнопоселенцев, среди них — преподаватель русского языка, о котором товарищ Ярославский надолго сохранил лучшие воспоминания.

В школе Ярославский поражал своих учителей какой-то неуемной жаждой к чтению. Он прочитал все, что было в школьной библиотеке, все, что имелось в городской библиотеке, все, что можно было достать у соседей. Сам Ем. Ярославский рассказывал, что недалеко от их квартиры жил отставной генерал Анчиков. Всем своим видом он напоминал гоголевского Плюшкина — его, между прочим, так дети и прозвали. У отставного генерала были две страсти — книги и собаки, на покупку которых он истратил все свое состояние. Генерал был главным образом собаками, которых у него было свыше 50, а книги стопками складывались в комнате, а больше на чердаке. Туда-то и пробрался Ярославский. Среди книг он впервые наткнулся на Добролюбова и Писарева. Десятки лет спустя, рассказывая пионерам о влиянии этих писателей, Ярославский говорил:

«В статьях этих авторов мы сразу почувствовали живое веяние освободительных идей. А статья Добролюбова «Когда же придет

настоящий день?» содержала в себе призыв к коренному преобразованию русской действительности»¹.

Первой марксистской книжкой, попавшей в руки Ярославского, когда ему было 18 лет, был «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. Эта книга произвела на Е. М. Ярославского потрясающее впечатление. Но рассказывая об этом, Ярославский неизменно подчеркивал, что абсолютно не жалеет о том времени, которое было потрачено им до этого на чтение художественной литературы.

«И то, что я много читал в юности из буржуазной литературы, — писал Ярославский, — не только не помешало мне воспринять идеи марксизма, а, наоборот, дало возможность почувствовать с большей силой всю их глубину, правдивость и совершенство»².

Через два года, 20-летним юношей, в 1898 г. Ярославский организовал первый социал-демократический кружок среди рабочих Забайкальской железной дороги. И сразу на долю молодого организатора партии выпала очень серьезная и большая работа: борьба с народниками. Здесь впервые тов. Ярославский проявляет ту сторону своего дарования, которая сделала его пламенным пропагандистом нашей партии. Он сам подбирает себе помощников, сам проводит с ними долгие часы, не считаясь со временем, знакомит их с идеями марксизма, а потом выдвигает своих учеников на политическую арену для борьбы с народниками.

В эти же первые годы его революционной деятельности обращает на себя внимание и другая характерная черта тов. Ярославского, а именно — его исключительная работоспособность, огромная энергия, которую он вкладывал в порученное ему дело.

«Мы удивлялись порою революционной энергии и неукротимой воле нашего вожака, — писали недавно его соратники по работе в Чите. — Большая семья тов. Ярославского испытывала серьезную нужду. Несмотря на перетруженность репетиторской работой, тов. Ярославский находил время и силы на руководство кружком, на беседы с рабочими, на литературную работу»³.

В 1901 г. тов. Ярославскому удалось съездить за границу, где он установил связи с крупными деятелями революционного движения, получил литературу и, благополучно прибыв в Восточную Сибирь, распределил привезенные им газеты и книги в Иркутске и Забайкалье. Поездка за границу, встреча с виднейшими революционными деятелями помогли тов. Ярославскому шире развернуть работу. В 1902 г. вместе с группой товарищей он опубликовал революционную листовку накануне 1 мая. Полиция с ног сбилась, разыскивая автора и распространителей. Только случайно попали на след. Был арестован сначала тов. Ярославский, несколько позже — его сестра Татьяна. Улик для осуждения молодого революционера было немного. Но следователь полагал, что, поскольку он имеет дело с неопытным, впервые попавшим в тюрьму организатором революционного движения, ему удастся быстро выудить недостающие улики. Однако скоро следователя постигло разочарование. В тюрьме тов. Ярославский проявил качества, свойственные большевикам-подпольщикам: выдержку, спокойствие, умение в любых, в том числе и тюремных, условиях защищать интересы общего дела, за которое он боролся. Тов. Ярославский буквально издевался над теми, кто вел допрос, издевался над необоснованностью обвинения, над недостатком улик. По тогдашним време-

¹ Журнал «Смена», август, 1933.

² Там же.

³ «Забайкальский рабочий» от 7 декабря 1943 г.

нам всякая бумага, исходившая от революционеров, сидевших в тюрьме, обязательно называлась прошением. Ярославский знал это, потому что ему дважды вернули его отношение, и тем не менее он и в третий раз на своем отношении крупными буквами написал: «з а в л е н и н е». Издеваясь над отсутствием улики, он писал: «Я не вдаюсь в исследование того, кому я обязан милостью создания такого необоснованного обвинения. Прошу только поставить меня в известность относительно фактической стороны дела, о которой я ничего не знаю. Я знаю, в чем меня обвиняют, но я не признаю этих обвинений и отрицаю. На чем они основаны — не знаю»¹.

Так и не добившись необходимых улик, жандармерия вынуждена была выпустить тов. Ярославского из тюрьмы, но под надзор полиции.

Стало ясно, что в таком положении Ярославский не сможет развернуть работу, что рано или поздно придется сесть в тюрьму второй раз: необходимо было переходить на положение профессионального революционера, уйти в подполье. Приняв это решение, тов. Ярославский прежде всего приступил к перестройке работы, подготовил организацию, связался с сибирским комитетом социал-демократии, потребовал присылки в Читу людей, которых полиция еще не знала, организовал нелегальную типографию вместе со своими товарищами, заготовил соответствующие явки и т. д. Только после этой тщательной подготовки Ярославский оставил Читу. Начался новый этап его жизни — жизнь профессионального революционера, наполненная кипучей деятельностью. Работа Емельяна Михайловича прерывается арестами, бегством из тюрьмы, возвращением к революционной борьбе. Тов. Ярославский вел работу среди рабочих Петрограда, затем Москвы. Вскоре Центральный комитет направил его в Тулу, оттула на Волгу, особенно много он работал в Ярославле. Емельян Михайлович был на конференции в Таммерфорсе, где впервые встретился с Лениным и Сталиным, был делегатом IV и V съездов партии большевиков.

Тов. Ярославский принимал деятельное участие в революции 1905—1907 гг. Говоря о его деятельности в этот период, особо следует остановиться на одной стороне, которая потом стала основной для Ярославского в течение всей его жизни — а именно, на боевой работе. В 1899 г. Емельян Михайлович был призван в армию и служил рядовым 18-го Сибирского полка. Тут он начал свою работу среди солдат и не оставял ее позже. Основную работу тов. Ярославский вел в боевых и военных организациях большевистской партии.

Тогда в боевых и военных организациях начинали свою работу гг. Ворошилов, Фрунзе, Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, Пархоменко, Котовский. Среди них был и тов. Ярославский. Он редактировал подпольные газеты для солдат, создавал в частях революционные организации, направлял стихийное недовольство солдат в русло сознательной борьбы против царизма. Работа приняла такой размах, что понадобилось создать центр для руководства ею. Тов. Ярославскому принадлежит мысль, поддержанная Лениным, о созыве Всероссийского совещания представителей боевых и военных организаций. В подготовке созыва и в составлении резолюции совещания Ярославскому принадлежит виднейшее место.

Об опасности работы и характере Емельяна Михайловича дает представление следующий эпизод. В феврале 1907 г. тов. Ярославский, по поручению ЦК, приступил к созданию специальной инструкторской школы — зародыша наших теперешних военных училищ. Инструктор-

¹ Архив Е. М. Ярославского.

ская школа должна была готовить кадры для боевых и военных организаций партии. Приступив к организации школы, он одновременно поставил перед собой вопрос: нельзя ли, пользуясь тем, что в школе сосредоточены практики-боевики, наладить тут же лабораторию с тем, чтобы познакомить инструкторов с производством простейших взрывчатых веществ. Надо было поставить дело так, чтобы любая аптека в любом районе могла послужить базой для изготовления оружия. Сам тов. Ярославский писал: «Найденные при обыске лаборатории в Куоккала 83 различных состава взрывчатых веществ, изготовленных руками рабочих дружинников, показали на деле, как самые безобидные вещества, имеющиеся в каждой рабочей квартире, аптеке, аптекарском складе, как то: керосин, бертолетовая соль, сера, фосфор, глицерин и т. д. и т. п., могут быть, при умении обращаться с ними, в самое короткое время превращены во взрывчатые вещества, а безобидные, имеющиеся под руками, консервные банки — в бомбы и метательные снаряды»¹.

К сожалению, эта инструкторская школа имела только один набор, даже выпуска не имела, и сама лаборатория просуществовала недолго — ча след напала полиция. Попав позже и сам в руки полиции, Ярославский думал не о том, что грозит ему, а о том, какую ошибку совершили организаторы школы, что вызвало провал. «Где, — пишет он, — личная оплывчивость, недосмотр, личная ошибка, которая вызвала провал, и где роковое стечение обстоятельств, которое делало наш провал неминуемым». В этом весь облик профессионального революционера, человека, отдавшего себя целиком единственному делу, делу борьбы за интересы народа.

Царской полиции не сразу удалось захватить в свои руки организаторов школы. Как представитель военных и боевых организаций Петербурга и Кронштадта тов. Ярославский имел возможность побывать на V (Лондонском) съезде. Но по возвращении с этого съезда, почти на следующий день, 25 июля 1907 г. он был арестован в пятый раз и предстал перед судом вместе с 20 другими участниками боевых и военных организаций. Тов. Ярославский был приговорен к семи годам каторжных работ, а по окончании — к ссылке.

В тюрьме и ссылке Ярославский провел, считая и предварительное заключение, с 25 июля 1907 г. до середины 1917 г., ровно 10 лет. В тюрьме ему пришлось перенести исключительно тяжелые испытания. Достаточно сказать, что большую часть времени он провел в одиночной камере. Но эти испытания не сломили его волю, напротив — тяжелые условия тюремного заключения в буквальном смысле слова закаляли Ярославского. Ему приходилось не только вести работу над самим собой, но особенно много работать среди сопроцессников и сокамерников, когда он попадал в общие камеры. Его избирали старостой почти всюду. Тов. Ярославский не помнил ни одного случая, когда бы он не был избран вожаком, настолько быстро его обаяние передавалось окружающим и настолько они были полны уверенности, что Ярославский сумеет отстаивать интересы массы.

В тюрьме тов. Ярославский каждую свободную минуту использовал для чтения. Он прочитал сотни книг по технике, естествознанию, по философии, он попрежнему читал очень много художественной литературы и книг по истории и особенно по истории войн и вооруженных восстаний. Он следил за каждым новым словом в технике и немед

¹ Архив т. Ярославского. Инструкторская школа и лаборатория взрывчатых веществ боевой организации ЦК РСДРП и Куоккала (Воспоминания).

ленно отзывался на изобретения, стараясь найти им применение в борьбе народа против царизма.

О размахе интересов тов. Ярославского говорит следующий, далеко не полный список книг, прочитанных им только за один месяц 1909 г.: Густав Лебон — «Эволюция материи», Геккель — «Мировые загадки», Барон Корф — «Связь военной науки с общественными», Макс Ферворн — «Механика душевной жизни», Фейербах — «Сущность христианства», Фридрих Энгельс — «Анти-Дюринг», В. Ильин (Ленин) — «Материализм и эмпириокритицизм», Милюков — «Очерки по истории русской культуры», Август Бебель — «Из моей жизни», Павлович — «Гаагская конференция».

И как он читал! Десятки листов бумаги исписаны выдержками, выписки систематизированы, много страниц переведено с иностранных языков.

Тут мы встречаемся с новой стороной деятельности тов. Ярославского. В тюрьме он изучал английский язык, при этом изучал не так, как обычно — у него был свой метод: познакомившись с грамматикой и известным количеством слов, он немедленно принимался за перевод книг. Так, тов. Ярославский перевел полностью 8 глав — больше половины книги Адама Смита «Исследование природы и причины богатства народов», перевел полностью книгу Максвелла «Материя и движение», кроме того стихи Уитмена, Эдгара По, Томаса Мура и многие другие.

По тому же способу тов. Ярославский изучил в тюрьме немецкий, французский, итальянский, испанский и шведский языки.

Кроме того, Е. М. Ярославский изучил и пользовался на практике языками некоторых народов нашей страны: грузинским, армянским, узбекским и азербайджанским. Языки народов СССР он изучал по иной системе. В тюрьме тов. Ярославский познакомился с узбеком — неким Хаджи Ханом и обучал его русскому языку, а у него изучал основы узбекского языка. Портрет своего учителя-узбека он оставил в своих работах, так же как и десятки других портретов своих сопроводчиков и сокамерников. Азербайджанский язык тов. Ярославский изучал с помощью некоего Али-Гусейн-Оглы.

Работал тов. Ярославский неустанно. 22 июля 1910 г. он закончил перевод книги Эрнста Франка, написав на последней странице: «Кончил 22 июля, СПб, пересыльная тюрьма», а уже через неделю, 29 июля, тов. Ярославский начал перевод книги Блосса «Петер Амброзиус, исторический очерк» и закончил перевод 19 августа; за 21 день он перевел почти 40 страниц. После этого тов. Ярославский переводил стихи Верхарна, закончив работу 29 августа. До 10 сентября он переводил английского поэта Свинбарна, потом два дня, по 12 сентября, — с итальянского, затем, закончив 14 сентября перевод стихов Верхарна с французского, он начал перевод шведской книги Аррениуса, а с 1 октября — перевод Гарибальди. Одновременно же он переводит популярную геометрию.

Рабочий день Е. М. был уплотнен буквально до одной минуты. Там же, в тюрьме, тов. Ярославский готовил ряд статей. В 1911 г. он задумал написать книгу на тему «Нравственность грядущего. Опыт построения этики». Сколько книг было прочитано для этой работы! Приблизительный список содержит свыше 50 названий. Это дает представление о том, как тщательно готовился тов. Ярославский к своим работам, что и стало потом его основной характерной чертой. Друзья с воли и родные буквально не успевали выполнять просьбы заключенного о доставке книг.

Отбыв каторгу, тов. Ярославский был направлен в ссылку, в Якутск,

где вернулся к исследовательской работе по изучению флоры и фауны Якутии. Заведя метеорологической станцией, тов. Ярославский вел подробные фенологические записи и возобновил посылку корреспонденций в Академию Наук. В 1916 г. тов. Ярославский отправился в экспедицию по реке Олекме. Поехал он рядовым рабочим, в дороге был избран поваром. В промежутках между исполнением своих новых обязанностей он продолжал исследовательскую работу, собирал гербарий и направил его в Академию Наук. Этнографические материалы тов. Ярославского по Олекминской экспедиции были опубликованы в «Известиях Государственного Русского географического общества» в 1926 г., а ботанические — в следующем году.

В ссылке тов. Ярославский продолжал вести революционную работу: организовал два подпольных кружка, главным образом из учащейся молодежи. После революции многие члены кружков стали крупнейшими организаторами советской власти в Якутии.

Отбывая ссылку в Якутске, за много тысяч километров от центра страны, отдаленный от Ленина и от Сталина буквально десятком тысяч километров, тов. Ярославский был лишен постоянного общения с членами и с лидерами нашей партии. Тем не менее когда началась мировая война, тов. Ярославский пришел к правильной большевистской оценке ее характера. В этом сказалась сила большевистской теории, в этом сказались глубокое понимание тов. Ярославским идей марксизма-ленинизма.

Февральская революция застала тов. Ярославского в ссылке. Только летом 1917 г. он прибыл в Москву и сразу окунулся в кипучую политическую деятельность.

Накануне пролетарской революции тов. Ярославский вернулся к своей основной работе, главным образом среди солдат, прекрасно понимая, какую роль должны играть боевые силы революции.

В отличие от Петербурга и других городов, в Москве существовали отдельно два совета: совет рабочих депутатов и совет солдатских депутатов, что и является одной из причин затяжки боевых операций в Москве. Тов. Ярославский решил добиться перевыборов всех полковых и ротных комитетов для того, чтобы захватить в свои руки гарнизон. Центральный комитет партии большевиков утвердил это решение. К октябрьским дням весь гарнизон, за исключением 1-й запасной артиллерийской бригады, произвел перевыборы, и уже в процессе самих октябрьских боев удалось создать организацию гарнизонного масштаба. Накануне революции, благодаря работе Военной организации Московского комитета партии большевиков, гарнизон добился этой крупнейшей победы.

Тов. Ярославский принимал самое деятельное участие не только в подготовке боевых сил революции, но и в осуществлении революции в Москве. После победы пролетарской революции Ярославский не бросил военной работы: сначала как помощник военного комиссара, а затем как военный комиссар Московского военного округа, он принимает участие в формировании Красной Армии. А когда предшественники современных фашистов, германские империалисты напали на нашу страну, тов. Ярославский был в числе тех, которые, по призыву Ленина и Сталина, в короткий срок двинули из Москвы силы для борьбы с немцами. В отражении натиска немецких захватчиков принимали участие и московские отряды Красной гвардии и первые полки Красной Армии. Отсюда также были посланы первые отряды, которые вместе с отрядами, организованными в Петербурге, приняли участие в разгроме южной контрреволюции, главным образом казачьей калединской контр-

революции. Работу по организации Красной Армии, которая перемежалась с огромной пропагандистско-агитационной и литературной деятельностью, тов. Ярославский проводил в течение всей гражданской войны. Многие статьи Емельяна Михайловича, написанные в тот период, перекликаются со статьями последнего времени не только по стилю, но и по идеям.

1920 г. тов. Ярославский провел в Сибири и на Урале, а в 1921 г. был избран секретарем ЦК партии. В 1923 г., по указанию Владимира Ильича, тов. Ярославский был введен в состав Центральной Контрольной Комиссии и провел гигантскую, известную всей партии работу по борьбе с врагами партии большевиков — троцкистами и правыми. Трудящиеся Омской области избрали тов. Ярославского своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Вся эта огромная организационная работа сочеталась с большой и плодотворной научной работой.

Тов. Ярославский — революционер-ученый. Его научные работы не только посвящены истории революции, но они служат делу революции, целиком подчинены интересам Советской страны, советского народа. Круг вопросов, изучаемых тов. Ярославским, чрезвычайно разнообразен. Без преувеличения можно сказать, что нет ни одной темы из истории революционного движения, начиная с 70-х годов по 1917 г., или по истории советского периода, которая не нашла бы отражения в работах тов. Ярославского. Основные исследования Емельяна Михайловича посвящены: истории партии большевиков; истории революционного народничества; истории революции 1905 г. и прежде всего истории декабрьского вооруженного восстания; истории Великой proletарской революции и гражданской войны в СССР.

Без исследований и статей тов. Ярославского нельзя изучать историю большевистской партии, а его книга о декабрьском восстании до сих пор остается по существу единственным исследованием этого периода. Все работы тов. Ярославского поражают колоссальным количеством использованного материала. И в то же время они насыщены идеями марксизма-ленинизма, тов. Ярославский и в них остается пламенным пропагандистом идей нашей партии.

Из-под пера Е. М. Ярославского вышло почти две тысячи книг и статей. Вопросы антирелигиозной борьбы и истории религии, разоблачение врагов партии, выступления в связи с историческими юбилеями, вопросы истории марксизма в России, отклики на острые вопросы текущей политики — таков размах тематики Ярославского. Значительное количество этих работ носит характер научно-популярных книг и брошюр, но именно научно-популярных: ни в коей мере не оставляя почвы науки, целиком опираясь на достижения науки, тов. Ярославский в доступной форме знакомит широкие массы с глубокими идеями марксизма и ленинизма. Тут в первую линию выдвигаются составленные тов. Ярославским биографии гениев человечества — Ленина и Сталина. Автор сам не считал их исчерпывающими — это только приступ к составлению биографий, говорил он. Но в этот первый набросок биографий он вложил глубочайшую любовь и преданность к вождям, большое знание материала и весь свой опыт пропагандиста и агитатора.

Очень большой вклад в историческую науку тов. Ярославский сделал своими работами по истории большевистской партии. Все они пронизаны одной мыслью: какой силой становится народные массы, даже недостаточно вооруженные, если во главе их идет стойкая, сплоченная на идейной основе марксизма-ленинизма, испытанная в борьбе с врагами народа, дисциплинированная партия большевиков. Тов. Яросла

ский написал ряд очерков по истории съездов, конференций и отдельных периодов в развитии партии, много статей по различным вопросам истории партии и большую двухтомную историю партии, которую он улучшал от издания к изданию. Но все эти работы, независимо от той роли, какую они сыграли в свое время, были, по существу, подготовительными к главной работе тов. Ярославского, а именно: к лекциям по истории партии, читанным в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Эта работа тов. Ярославского — свыше 70 печатных листов — насыщена огромным количеством конкретного материала и является ценным вкладом в историю нашей партии. Емельян Михайлович думал написать 13-ю главу, посвященную истории партии последнего пятилетия и в том числе за время Великой отечественной войны, собирал материал для нее и даже составил подробный план, но безвременная кончина не дала ему выполнить это намерение.

Исторические работы тов. Ярославского ввели в научный обиход новые данные, осветили не мало до него недостаточно изученных исторических явлений. Работы Емельяна Михайловича могут служить образцом применения марксизма-ленинизма в изучении истории. В работах тов. Ярославского наука с практикой составляют единое целое. Как революционер-ученый он всегда подчеркивал, что наука должна быть боевой. Работы тов. Ярославского являются образцом борьбы со всякими извращениями марксизма-ленинизма в проведении линии партии большевиков и Советского правительства. Для тов. Ярославского интересы народа, благо Родины были неотделимы от развития науки. Научная деятельность тов. Ярославского полностью соответствовала указанию товарища Сталина о необходимости развивать такую науку, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки...»

В 1939 г. тов. Ярославский был избран действительным членом Академии Наук СССР.

Весь опыт, все знания, накопленные тов. Ярославским в течение 45 лет насыщенной трудом жизни, дали свои результаты в период Отечественной войны. 23 июня, буквально на второй день после того, как фашисты совершили свое подлое и вероломное нападение на СССР, тов. Ярославский как член ЦК выступил со статьей о подломе нападения на Советский Союз. С этого момента т. Ярославский развернул кипучую деятельность, поразительную даже для широко известной всем его работоспособности. Не было дня, когда бы он не сделал доклада, не провел совещания, не выступил с речью. Доклады он читал буквально на всем пространстве нашей великой Родины, прежде всего на фронте. Ему было 62 года — орден Ленина он получил за два года до войны, в день своего шестидесятилетия, — но никто не поверил бы в его возраст, зная, с какой энергией, с какой живостью и как часто тов. Ярославский выступает! И в каких условиях! Мы знаем десятки его поездок на фронт, причем не было случая, чтобы после возвращения с фронта он не поделился своими впечатлениями с читателями. Какое глубокое впечатление произвел рассказ тов. Ярославского о пребывании в одной из армий! То была Н-ская армия, но все знали, что речь шла об армии Рокоссовского, сражавшейся под Москвой, — армии, за наступательным движением которой следили не только москвичи, но и весь мир.

Кроме поездок на фронт Е. М. Ярославский совершил несколько поездок в восточные районы нашей страны — в Кузбасс, на Урал. Возвращаясь оттуда, тов. Ярославский, как и после поездок на фронт,

сейчас же делился тем, что он там видел. Трудно переоценить то впечатление, которое производили на фронте сообщения тов. Ярославского о самоотверженной работе тыла. Бойцы, читавшие эти статьи, буквально чувствовали в них дыхание города Ленина, дыхание Москвы, зажигавшее и вдохновлявшее их на новую борьбу.

В одной из таких поездок довелось участвовать и мне вместе с другими представителями Академии Наук СССР — гг. Юдиным и Панкратовой. Выехали мы в Донбасс. Это была середина сентября 1941 г., когда немцы на Южном фронте перешли в решительное наступление. Немцы форсировали Днепр. В Донбассе об этом еще мало кто знал. Задачей тов. Ярославского было рассказать четырем миллионам населения Донбасса о том, какая опасность надвинулась на Донбасс, с тем, чтобы поднять их, выковать их волю к сопротивлению.

В областном центре Донбасса, в Сталино, в одном из красивейших зданий собрались три тысячи активных деятелей социалистического Донбасса. Тов. Ярославский выступил с большой, трехчасовой речью. Начал он свою речь с того, что прямо, честно призвал всех посмотреть в глаза суровой правде. Он сказал: «В момент, когда мы с вами заседаем, немцы, перейдя Днепр и взяв Каховку, идут на Мелитополь».

Призвав всех взглянуть в глаза суровой правде, тов. Ярославский стал разъяснять, какие задачи стоят перед нами. Он напомнил 1919 г., когда Юденич стучался в ворота Петрограда, а Деникин подходил к Туле, когда у нас не было такой армии, как сейчас, когда у нас не было такого оружия, как сейчас. Постепенно развивая доводы, доказывающие нашу правоту, неизбежность нашей победы, он закончил свое выступление словами: Нас, большевиков, пять миллионов; нас, комсомольцев, до десяти миллионов.

*Нашей ли рати бояться
Призрачной силы фашизма.*

Даже бывалые люди, не раз слышавшие Ярославского, почувствовали, как по спине пробежал нервный ток: на сцене стоял человек, представляющий партию большевиков, член ЦК, за плечами которого было 45 лет работы, пламенный патриот, уверенность которого в победе передавалась слушателям. Делегаты разъезжались в приподнятом настроении.

Мы все знаем, как работал тов. Ярославский, но мало кто знает о последних днях его жизни. Умер тов. Ярославский на рассвете 4 декабря, а еще 3 декабря вся страна читала его последнюю статью в «Красной Звезде» и слушала ее по радио. Когда диктор передавал статью тов. Ярославского, я был в воинской части. Неожиданно поступило сообщение о его кончине. Не верилось никому.

О людях, целиком отдавших свою жизнь делу защиты страны, в древности говорили: «он умер стоя», т. е. как солдат, на посту. Мы можем сказать, что тов. Ярославский умер, как солдат на посту, буквально не выпуская из рук оружия до последнего дыхания. В последние дни своей жизни он часто покидал постель, садился к столу, и родные замечали, что он записывает что-то в блокнот: это были мысли, которые завтра же утром воплотятся в статью или в выступление по радио.

Неудивительно, что тов. Ярославский снискал себе любовь миллионов: до сих пор с фронта и из тыла приходят сотни писем, содержащие скорбные отклики на смерть тов. Ярославского. Тов. Ярославский снискал себе эту любовь прежде всего беспредельной преданностью партии

Ленина — Сталина, постоянной, неразрывной связью с партией, глубокой, самоотверженной преданностью Советской Родине. Неутомимый боец партии, всегда искавший себе поддержку в партии и шедший с ней и в самые суровые времена и во времена успехов, — таким вошел в историю нашей страны Е. М. Ярославский. Именно поэтому Центральный Комитет в своей характеристике тов. Ярославского писал:

«Яркую и плодотворную для народа жизнь прожил большевик Емельян Ярославский.

С юных лет до конца своей замечательной жизни, целиком до последнего вдоха отданной борьбе за счастье трудящихся, тов. Ярославский был примером мужественного, беззаветного служения народу Родине, примером беззаветной преданности большевистской партии, ее историческому делу.

Таков светлый облик пламенного большевика — Емельяна Михайловича Ярославского, преданного и неутомимого борца за великое дело партии Ленина — Сталина».

И. С. ЗВАВИЧ

СОЮЗ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ В 1812 г.

Из дипломатической истории Отечественной войны 1812 г.

Французская историография наполеоновского царствования единодушно в своем отрицательном отношении к Бернадотту, маршалу Наполеона, занявшему шведский королевский престол. Бонапартист Сарранс и роялист Пенго, враждебно настроенный к России республиканец Сорель и сторонник союза с Россией республиканец Вандаль — все они упрекают Бернадотта в предательстве по отношению к Франции за его политику 1812 г., когда Бернадотт заключил союз с Россией¹. В шведской историографии Олин и Бьернстерна высоко оценивают политику Бернадотта в 1812 г., считая ее соответствующей подлинным интересам Швеции². В русской историографии Попов уделил известное внимание русско-шведским отношениям накануне Отечественной войны 1812 г., но не проследил развития этих отношений на протяжении самой войны и не раскрыл мотивов шведской политики³. Шильдер ограничился самыми краткими сведениями о заключении союза 24 марта (5 апреля) 1812 г. и о свидании в Або в августе 1812 г.; еще менее значительны упоминания об этом в более ранних трудах Михайловского-Данилевского и Богдановича, а также в биографии Александра I, написанной Н. М. Романовым, да и в позднейших трудах — у А. Преснякова, М. Н. Покровского и Е. В. Тарле⁴. Исключение составляют работа С. М. Соловьева и статья С. А. Корфа во II томе коллективного труда: «Отечественная война и русское общество»⁵. В этих работах сделана попытка объяснить политику Швеции в 1812 г., но не показана достаточно деятельность русской, французской и английской дипломатии в шведском вопросе, не выявлена борьба за Швецию в 1812 г.

¹ Sarraus, Bernadotte — roi, Vol. I, Paris, 1866. a) Pingaud, Bernadotte, Napoleon et les Bourbons. b) Soré. L'Europe et la Revolution française, Vol. VII et VIII. c) A. Vandal, Napoléon et Alexandre I. L'alliance franco-russe sous le premier Empire, Vol. I et II.

² a) O. Ålin, Forhandlingarna om allianstraktaten mellan Svarise och Ryssland den 5 april 1812. b) Bjernstierna — редактор посмертно изданных мемуаров шведского посланника в Петербурге Штедингк, Mémoires posthumes, Vol. III, p. 137 — 138.

³ А. Н. Попов, Отечественная война 1812 г. Сношения России с иностранными державами, М., 1905.

⁴ а) Шильдер, Александр I, Т. III. б) Михайловский-Данилевский, История отечественной войны 1812 года. в) Богданович, История царствования Александра I. г) Николай Михайлович Романов, Александр I, Т. I. д) А. Пресняков, Александр I. е) М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России. ж) Е. В. Тарле, Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году. Изд. второе, М., 1943.

⁵ а) С. М. Соловьев, Александр I. Политика. Дипломатия. б) «Отечественная война и русское общество», Т. II, М., 1912. Статья С. А. Корфа, Россия и Швеция. Финляндские дела.

Между тем привлечение обнаруженных с тех пор источников позволяет гораздо полнее осветить эту важную сторону дипломатической истории 1812 г.¹

Избрание маршала Бернадотта шведским наследным принцем (21 августа 1810 г.) вызвало в антифранцузских политических кругах Петербурга возмущение и страх. Противники политики Тильзита и Эрфурта видели в этом избрании новое свидетельство коварства наполеоновской дипломатии и угрозу России с севера в случае неминуемой войны с Францией. Сардинский посланник Жозеф-де-Местр, передавая в своих донесениях впечатления петербургского общества, писал, что избрание Бернадотта является событием, может быть более печальным, чем убийство Людовика XVI, и что «этот «король-сержант» еще более опасен для мира, чем Робеспьер». Шведский посланник в Петербурге граф Штединг в своем донесении сообщал королю, что избрание Бернадотта «вызвало в России сенсацию, которая превосходит все вообще. Министры, аристократия, все общество рассматривают это событие как дополнение к тем несчастьям, которые навлекла на себя Россия прошлыми ошибками. Они уже рисуют себе картину нападения Швеции на Россию под влиянием Франции и потерю всего того, что Россия приобрела в Балтике на протяжении века».

Александр I и канцлер Румянцев направили в декабре 1810 г. с дипломатической миссией в Стокгольм русского военного атташе в Париже подковника Чернышева. Чернышев был знаком с Бернадоттом лично по Вене и Парижу, имел уже ранее основание сомневаться в том, что Бернадотт окажется в Швеции креатурой Франции, и даже слышал от самого Наполеона, что он недоволен кандидатурой Бернадотта на шведский престол. Официально Чернышев должен был лишь поздравить Бернадотта с избранием и направиться далее к месту своей постоянной работы — в Париж. На деле Чернышев имел другое поручение. Он должен был узнать мнение Бернадотта о возможности развития русско-шведских отношений в будущем и обещать Бернадотту

¹ а) Переписка между Бернадоттом и Наполеоном I была издана в 1819 г. Бэйлем (*Correspondance de Bernadotte 1810—14*, ed. Bail, Paris, 1818); см. также *le Rapport presente a sa Majeste le Roi de Suede par son Ministre d'Etat le 7 Janvier 1813*, Stockholm, 1813 (Музей книги Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина); б) *Correspondance inedite de l'empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'annee 1812*, P., 1911; в) полные тексты русско-шведского военного союза, военной конвенции в Вильно и конвенции в Або, а также англо-шведского договора — в издании британского министерства иностранных дел (*British and Foreign State Papers*, т. 1, ч. 1, L., 1844); д) протоколы заседаний шведского Государственного совета в 1812 г., изданы О. Алин в ежегоднике *Arkivet* Упсальского университета за 1900 г.; е) другие документы, изданы Шинкелем (*Schinkel, Mittheil. ut Svensk Nyare Historik*, vol. VI); ж) дипломатическая переписка русского посланника в Стокгольме Сухтеленa в XXI томе Сборника Русского исторического общества; з) архив Сухтеленa был нам доступен в ЦВИА с любезного разрешения гг. Ниятинского и Шляпникова; и) описание архива Сухтеленa см. у А. Нордова — *Архив графов Канкриных*; Ламберт-Сухтелен, Тамбов, 1910; к) переписка русского поверенного в делах Николая С. Р. Воронцовым в Ливноне — Воронежский архив, т. XXII; л) дипломатическая переписка английского агента в Швеции Торнтона с Кестляри — *Castlereagh Correspondence*, vol. VIII и в приложении к I тому *Cambridge History of British Foreign Policy*; м) французские дипломатические документы и записка Армфельта напечатаны у Жюффруа (*Gefin's Revue des deux Mondes* за 1855 г.) и у Коquelle (*La mission d'Alquier a Stockholm*) — *La Revue d'histoire diplomatique* за 1909 г.; н) переписка русских патриотов — *Slein-Archiv*, Botzenhardt, Bd. IV, brl. 1933; о) документы, относящиеся к шведскому посредничеству в Константинополе, — в ЦВИА: дело № 2958 (Архив дипломатической канцелярии Кутузова); п) переписка Жозефа де-Местра с Сардинским двором: J. de Maistre, *Correspondance diplomatique 1811—17*; р) шведская дипломатическая переписка частично в мемуарах Штединга (см. выше) и мемуарах Энгестрема, и также в трехтомной биографии Армфельта, написанной шведским историком Тегнером (Tegner).

условно, что Россия, вопреки букве Фридрихсгамского трактата 1809 г., будет смотреть сквозь пальцы на нарушение Швецией правил континентальной блокады.

Чернышев прекрасно справился со своей задачей. Он виделся с Бернадоттом, который его отлично принял, а также имел беседы с шведским министром иностранных дел Энгестромом и с французским посланником Алькье. Из своих бесед Чернышев вынес определенное впечатление, что «Бернадотт, конечно, не слуга Наполеона». «Я думаю даже, что он будет недолго скрывать это; благодаря его задетому самолюбию он совершенно потерял для Франции»,—писал Чернышев.

Говоря о самолюбии Бернадотта, Чернышев имел в виду, что французская дипломатия грубо третировала Швецию и лично Бернадотта. Подчеркнем, что дело было не только в личном самолюбии гасконца Бернадотта, но и в интересах Швеции. Бернадотт заявил Чернышеву, что «в настоящем положении дел Россия есть единственная держава, от расположения и покровительства которой зависит не только благосостояние Швеции, но и самое ее существование». Он прибавил, что «шведское правительство сделает все возможное, чтобы заслужить расположение России и избежать того, что могло бы навлечь с ее стороны малейшее государственное против Швеции». Бернадотт заверил Чернышева, что Россия может обратить свое оружие на восток, юг и запад и быть вполне уверена, что «Швеция не изменит своей политики и желания оставаться с Россией в мире, так как хорошо знает, что может обойтись без всех других государств, кроме России, от которой зависит ее спокойствие и мир».

Бернадотт раскрыл Чернышеву только часть мотивов, которые побуждали его к такой оценке интересов Швеции. Швеция убедилась на примере войны 1809 г., что Россия в состоянии унизить самой столице страны, тогда как мир с Россией превращает Скандинавский полуостров в остров, изолированный от материка. В сотрудничестве с Россией Швеция могла противостоять тяжелым для нее политическим и экономическим требованиям Франции. Лично Бернадотт опасался, что Россия, связанная династическими узами со свергнутой династией (Густавом IV), будет поддерживать против него шведские легитимистские круги (этого и требовали, кстати сказать, от Александра I обе императрицы — Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна). Бернадотт боялся и того, что Наполеон в отношениях с Россией будет рассматривать Швецию как разменную монету и ценою уступок за шведский счет постарается обеспечить себе в будущем дальнейшее содействие России, как то уже было ранее, в 1808—1809 гг.

Благоприятные результаты миссии Чернышева побудили руководителей русской дипломатии к дальнейшим шагам в направлении улучшения отношений со Швецией.

Русскому поверенному в делах барону Николаю было дано указание поддерживать самые лучшие отношения с наследным принцем и со шведским правительством. В Петербурге Александр I имел 29 января 1811 г. беседу со шведским посланником Штедлингом. В этой беседе Александр I намекал на возможность русско-шведского союза. «Забудем прошлое,—говорил Александр.—Клянусь честью, я никогда не хотел зла Швеции. Теперь, когда злополучное финляндское дело закончено, я стремлюсь всячески выказать уважение и дружбу вашему королю и его королевскому высочеству». Александр I заметил далее, что «за великими бедствиями для Швеции может последовать великое благоденствие»; он вспомнил и о «Густаве-Адольфе, который отправился освобождать Германию во главе шведских войск», и пожелал Берна-

дотту «быть его славным продолжателем», указав, что «Россия, со своей стороны, готовится к такой же освободительной миссии, хотя ничего не хочет предпринимать наобум». В дальнейших беседах со Штединггом Александр I летом 1811 г. первый заговорил о возможности предоставления Швеции права присоединить Норвегию (взяв ее от Дании) в качестве эквивалента за утерянную Финляндию. Мысль об этом, повидимому, принадлежала крупному финскому землевладельцу и бывшему шведскому политическому деятелю графу Армфельту. Последний подал Александру I летом 1811 г. записку, в которой выдвигал пространный план действий европейской коалиции в войне против Франции и советовал предложить Бернадотту Норвегию, устроив личное свидание с ним Александра I. О желании определенных шведских кругов получить Норвегию было также известно Чернышеву.

В то время как русская дипломатия, таким образом, развивала бурную деятельность в вопросе о Швеции и хорошо была осведомлена о том, что происходило, наполеоновская дипломатия в Швеции основывалась на ряде неправильных политических предположений. Одна из них заключалась в том, что союз Франции с Швецией являлся в XVII и XVIII вв. традиционным и что стремление Швеции к реваншу за войну 1809 г. могло лишь укрепить эту политическую традицию. Наполеон не видел или не хотел видеть, что в положении Швеции произошли значительные сдвиги. В прошлом Швеция была прежде всего балтийской державой и в XVII в. господствовала в Балтике. Но со времени Петра Великого и в течение всего XVIII в. Балтика была для Швеции не источником силы, а источником слабости. В войнах, которые Швеция вела с Россией, она терпела жестокие поражения; Финляндия, с одной стороны, и шведская Померания,— с другой, отвлекали для своей защиты у Швеции большое количество сил. На протяжении того же XVIII в., в связи с развитием международной торговли и колонизацией заокеанских стран, влиятельные торговые круги Швеции оказывались все более и более заинтересованными в выходе к открытому океану. Этот выход у Швеции был в лице Гетеборга; как раз в 1810—1812 гг. Гетеборг стал важнейшим торговым центром северной Европы. Но Гетеборг по самому своему географическому положению легко мог быть поставлен под наблюдение господствовавшей на Европейском материке Франции. Уже по одному этому Швеция была заинтересована в расширении для себя доступа к океану за счет датской Норвегии, а между тем Дания была верной союзницей Франции.

Столкновение интересов Швеции с интересами Франции шло не только по этой линии, но и по линии континентальной блокады, на которой настаивал Наполеон и которую ему труднее всего было осуществлять как раз на севере Европы. Этим столкновением интересов Швеции и Франции поспешила воспользоваться русская дипломатия.

Другой неправильной предположкой, из которой исходила французская дипломатия, было убеждение в том, что Швеция всегда будет бояться Франции и не решится идти против нее; пример Густава IV, последовательного противника французской ориентации и свергнутого с престола за свое участие в коалиционных войнах против Франции, должен был, по мнению Наполеона, служить достаточным предупреждением Бернадотту, избранному на престол шведскими франкофилами в надежде на то, что его кандидатура угодна Франции. Между тем именно страх перед Францией породил стремление Швеции добиться независимости, когда подвернулся подходящий случай; Швеция не собиралась, подобно Пруссии, «нарезать розги для собственной порки» (слова Наполеона, сказанные им Коленкуру) и содействовать Франции

в войне 1812 г. против России. Географическое положение Швеции позволило ей занять более самостоятельную позицию и уклониться от союза с Францией. Надо отдать справедливость и самому Бернадотту — он лучше, чем Фридрих-Вильгельм III прусский и Меттерних в Австрии, понял силу России и внутреннюю слабость Франции в этот исторический момент.

В то время как русская дипломатия настойчиво ухаживала за Швецией, Наполеон непрестанно предъявлял к ней все новые и новые требования. 13 ноября 1810 г., т. е. менее чем за три недели до приезда Чернышева в Стокгольм, французский посланник Алькье вручил шведскому министру иностранных дел Энгестрему ноту. В этой ноте, написанной в резком, почти вызывающем тоне, указывалось, что в Швеции неправильно интерпретируют свои обязательства по отношению к Франции. «Его величеству императору и королю стало известно, — гласила нота, — что между Швецией и Англией продолжается самая деятельная торговля, ведутся постоянные сношения, что из Англии и Шотландии регулярно прибывают в Гетеборг и отправляются обратно торговые суда». Французская нота с нарочитым возмущением констатировала, что британское правительство было уверено в преступном попустительстве Швеции: английские суда могли рассчитывать на убежище в шведских портах. Отсюда во французской ноте делался вывод, что «Швеция, якобы соблюдающая нейтралитет, является самым полезным союзником, которого когда-либо имело британское правительство». Нота содержала требования, исполнить которые было для Швеции заведомо невыгодно: а) объявление войны Англии; б) конфискация английских судов во всех шведских портах; в) конфискация английских колониальных товаров на всей территории Швеции.

Еще 20 октября 1810 г. Наполеон в беседе со шведским посланником Лагербельке заявил, что Швеция является единственной причиной кризиса континентальной системы. «Швеция принесла мне более ущерба, чем пять коалиций вместе», — говорил Наполеон.

Шведское правительство не решилось отвергнуть требования Франции. Но, принимая их, шведское правительство заранее намеревалось саботировать их проведение в жизнь. В ответе Алькье шведский министр иностранных дел Энгестрем писал: «Шведское правительство прекратило всякие сношения с Англией. Почтовые учреждения Швеции не принимают никаких писем из Англии и ничего не отправляют в Англию. Ни один английский корабль не входит ни в один из шведских портов. Желая дать новую гарантию своих намерений и принципов, его величество король поручил объявить мне, что он объявляет войну Англии и приказывает конфисковать все английские суда, которые находятся, вопреки всякому ожиданию, в шведских портах». Наряду с этой формальной нотой от имени шведского правительства Бернадотт отправил Наполеону от себя лично письма: 11 и 19 ноября, а также 8 декабря 1810 г. В этих письмах Бернадотт не устает повторять, что у Швеции нехватает средств для участия в борьбе на стороне Франции и что Швеция вынуждена объявить войну Англии в ущерб своим интересам, исключительно повинувшись требованию Наполеона.

С этими заявлениями Швеции следует сопоставить инструкцию, которую шведский министр иностранных дел Энгестрем отправил губернатору Гетеборга Розену в связи с французскими требованиями¹. Энгестрем писал по поводу предписанной конфискации судов с иностранным

¹ Эта инструкция приведена в работе шведского историка Гекшера (E. Heckscher, *The Continental System, An Economic Interpretation*, L. 1922).

грузом, принадлежавших шведским подданным: «От Вас не требуется никаких проявлений крайнего усердия; напротив того, Вам следует скрывать факты и облегчать торговлю в соответствии, конечно, с необходимой предосторожностью, т. е. не компрометируя Вашего положения». Губернатор Розен был вполне достоин доверия правительства. В августе 1811 г., когда война между Швецией и Англией шла на бумаге уже около 8 месяцев, Розен сообщал Энгестрему, что ему пришлось-таки конфисковать десять быков, предназначенных для снабжения английских моряков балтийской эскадры адмирала Сомареза. «Прошу вас принять меры к тому, чтобы сообщение об этом проникло в печать и я в моем горе-злосчастье мог бы, наконец, предстать перед Европой в ореоле усердия истинного защитника континентальной системы. Я уведомил Сомареза о конфискации заранее, и он не будет на нас в обиде».

Не успела Швеция, против своей воли, принять требования французской ноты от 13 ноября 1810 г., как Алькье направил Энгестрему новую ноту с требованием предоставить две тысячи шведских моряков для французского флота, снаряжаемого против Англии. Это требование было сформулировано опять-таки в вызывающем, почти издевательском тоне. «Услуга, которую испрашивает император у его величества короля Швеции, была уже с готовностью оказана Данией», — гласила французская нота. Между тем французское правительство хорошо знало, что отношения Швеции и Дании далеко не были дружественными, и пример Дании был насмешкой над политикой Швеции.

На этот раз шведское правительство ответило отказом на французское требование. В вежливом тоне шведский ответ от 31 декабря 1810 г. (после того как совещание с Чернышевым позволило установить позицию России) указывал, что навряд ли 2000 шведских моряков, оказавшись в Бресте, оправдали бы справедливые надежды императора французов: «Привязанный к своей родной почве, к своим привычкам и к домашнему очагу, шведский воин не в состоянии противостоять южному климату. Он готов пожертвовать всем для защиты своего очага, но вдали от него шведский воин будет только думать о родине, с которой сердце его будет биться в унисон; поэтому шведские солдаты внесут в ряды французов волнение и разочарование, которые в большей мере, чем оружие неприятеля, могут уничтожить самые лучшие армии».

Наполеоновское правительство пренебрегло этими указаниями Швеции. Наполеон не отказался от мысли воздействовать на Швецию одновременно страхом и соблазном. Угрожая Лагербельке неприязнью Франции, Наполеон готов был обещать ему для Швеции Финляндию, ту самую Финляндию, которой он еще так недавно — за 4 года перед тем в Эрфурте — соблазнял Александра I. В упомянутой нами беседе с Лагербельке Наполеон выдвигал перед шведским посланником идею реванша в войне с Россией. В апреле 1811 г. Алькье было поручено начать в Стокгольме переговоры о союзе против России, предложив Швеции напрямик возвращение Финляндии. Но когда Бернадотт сам заговорил с Алькье не о Финляндии, а о Норвегии, из того же Парижа последовал ледяной отказ. Вандаль замечает по этому поводу, что «мысль ограбить Данию возмущала представления Наполеона о справедливости, признательности и чести». Но это замечание французского историка насквозь лицемерно: подобные представления никогда и ни в чем не мешали Наполеону. Он нисколько не постеснялся бы предлагать шведам датскую Норвегию, если бы действительно желал этого. Норвежские притязания Бернадотта вызывали у Наполеона раздраже-

ходящим для успешной борьбы против французских войск и войск союзников Франции. Россия обязывалась присоединить к Швеции Норвегию дипломатическим или военным путем; предполагалось, что Россия от себя предложит Дании компенсацию за счет немецких земель. Другие статьи союзного трактата предусматривали привлечение Англии к союзу между Россией и Швецией, устранение обязательства Швеции (обусловленного Фридрихсгамским миром) проводить режим, установленный наполеоновской континентальной системой, а также посредничество Швеции в мирных переговорах между Россией и Турцией.

В качестве союзника Бернадотт считал затем нужным подать Александру I ряд военных советов для предстоявшей войны. Эти советы обнаруживают в бывшем маршале знание дела, хладнокровие и твердую надежду на победу России над Наполеоном. Сухтелен сообщал в этой связи о своей беседе с Бернадоттом: «В том положении, в каком Россия находится по отношению к Франции, России,— говорил Бернадотт,— выгодно затягивать войну, ибо Россия может вести ее долго, а Наполеон не в состоянии. Следует как можно меньше рассчитывать на случайный успех, избегать больших сражений и более действовать на умы. В случае неудач следует проявить упорство. Если бы пришлось отступить за Двину или даже за Неву, только бы не теряли мужества, и все устроится; Наполеону уготована в России судьба Карла XII».

Война с Францией неотступно приближалась. В мае 1812 г. Александр I выехал в Вильно. За ним в штаб-квартиру русских войск вместе с канцлером Румянцевым последовал шведский посланник Левенхельм. На основе IV статьи союзного договора между Румянцевым и Левенхельмом велись переговоры о военной конвенции, которая точнее предусматривала бы время и место намеченной диверсии. В Стокгольме австрийский посланник Нейпперг сделал между тем попытку привлечь Швецию к союзу с Францией. Он сообщил шведскому правительству о заключении франко-австрийского союза и предложил шведам примкнуть к Франции, Австрии и Пруссии против России. Предложение Нейпперга было тотчас же сообщено Бернадоттом Сухтелену и побудило русскую дипломатию оценить по достоинству дружественный нейтралитет Швеции. В русско-шведской военной конвенции, подписанной в Вильно 15 июня 1812 г. в развитие союзного трактата от 5 апреля 1812 г., Россия поэтому обязывалась отправить за свой счет войска в Швецию уже не для одной лишь диверсии в Германии, но и для покорения Норвегии, т. е. пошла на новые уступки в пользу Швеции.

С началом войны Александр I стал торопить Швецию с выступлением; ссылаясь на договор от 5 апреля 1812 г., в письме к Бернадотту 4 июля 1812 г. Александр указывал, что не следует более откладывать диверсию в Германии и надлежит использовать для этой цели остающееся летнее время. Он добавлял: «Для того, чтобы добиться победы нашего святого дела, необходимо действовать согласованно и по единому плану — я твердо верю, что ваше высочество не откажет мне в своей поддержке».

Но в первые месяцы войны Бернадотт отмалчивался и занимал выжидательную позицию; в письмах к Александру I он не говорил ничего о диверсии в тылу наполеоновской армии и продолжал лишь давать общие военные и дипломатические советы Александру — укрепить Ригу, вступить в тайные переговоры с Понятовским и т. д.

18 июля 1812 г. в шведском городке Эребро были подписаны два новых договора — мирный договор между Россией и Англией и мирный договор между Англией и Швецией. Англия не соглашалась прямо присоединиться к союзному договору между Швецией и Россией и не да

ние, ибо он понимал, что за ними кроется стремление Швеции войти в сношения с Англией и оторваться от французской континентальной системы. Норвегию Наполеон хотел оставить Дании, чтобы иметь возможность при случае угрожать шведской столице экспедицией через союзные датские владения. В предназначенной для Алькье инструкции Наполеон писал в феврале 1811 г., что «мысль об аннексии Норвегии является химерической и находится в противоречии с национальными традициями Швеции». Алькье предлагалось вообще избегать слишком частого контакта с Бернадоттом, чтобы не смущать его гасконских излияний, могущих лишь поставить посланника в затруднительное положение. Избегая Бернадотта, Алькье испортил в конце отношения и с королем Карлом XIII, и с министром Энгестремом, и с канцлером Веттерштедтом, и с другими деятелями, еще недавно бывшими сторонниками Франции. В сентябре 1811 г. французское правительство отозвало своего незадачливого посланника из Швеции, оставив поверенного в делах де-Кабра.

Оккупация шведской Померании французскими войсками во второй половине января 1812 г. была последней каплей, переполнившей чашу. Наполеон одновременно поручил Даву занять шведскую Померанию и направил Бернадотту новое — полуофициальное — предложение о совместном участии в войне против России. Эта война была к этому времени для Наполеона делом решенным; шведская Померания была необходимым плацдармом для развертывания военных действий и для решительного дипломатического нажима на Пруссию. В Стокгольме знали о переговорах между Францией и Пруссией и догадывались, что шведская Померания может служить Наполеону приманкой для Пруссии. Поэтому шведское правительство с опаской отнеслось к французскому предложению о союзе, которое к тому же было для Швеции довольно невыгодным. Наполеон требовал от Швеции, чтобы она выставила тридцать тысяч солдат и сама напала на Россию. За это он соглашался на присоединение к Швеции Финляндии, которую надо было еще завоевать самим шведам. Кроме того Швеция должна была активно участвовать в войне против Англии и напасть на английскую эскадру в Балтике. Денежной субсидии Наполеон не предлагал, но не отказывался купить у шведских купцов колониальные товары на сумму в 12 млн. франков — от этой сделки получила бы прямую выгоду Франция. Бернадотт, уже ведя переговоры с Россией о союзе и заключив союзный трактат с ней 24 марта (5 апреля) 1812 г., не порывал связи с Наполеоном; в апреле и мае 1812 г. французский консул Синьель дважды ездил из Швеции на континент и обратно, перевозя депеши с предложениями сторон.

Наполеон, подписав с Пруссией союзный трактат, стал предлагать Швеции Штеттин и прусскую Померанию, соглашался, чтобы Швеция установила с побежденной Россией границы по своему желанию, но в Норвегии отказывал решительно и наотрез. Из переговоров ничего не вышло. Но Наполеон еще в июне, начиная войну с Россией, продолжал думать, что решительная военная победа над русскими войсками в конце концов побудит Швецию принять его предложение о союзе. Наполеон и высказал эту мысль Балашову, когда тот явился к нему с письмом от Александра I после начала военных действий.

Между тем 6 февраля 1812 г., т. е. всего через две недели после французской оккупации шведской Померании, Бернадотт отправил в Петербург графа Левенхельма с поручением начать с Александром I переговоры о союзе. В письме, которое Бернадотт по этому поводу адресовал Александру, он прямо указывал на стремление Наполеона

к общеевропейскому господству и призывал Александра стать во главе европейской коалиции против Франции. Бернадотт ничего не обещал от себя, а говорил лишь о том, что «посреди всеобщего траура взгляды всех обращаются к русскому царю с верой и надеждой».

Бернадотт советовал Александру I спешить, ибо нет ничего важнее фактора времени.

Александр I отвечал Бернадотту двумя любезными письмами — от 25 февраля и от 10 марта 1812 г. Он стремился заверить своего корреспондента в том, что Россия проявит необходимую выдержку и упорство в предстоящей борьбе с Наполеоном, и высказывался за предложение Бернадотта о создании новой коалиции.

Переговоры о союзе шли на протяжении февраля и марта 1812 г. Одновременно в обеих столицах — в Петербурге между Левенхельмом и Румянцевым при личном участии Александра I и в Стокгольме между русским посланником Сухтеленем, которого с инструкциями отправил Александр I к Бернадотту, и этим последним, при участии Энгестрема. В переговорах стороны согласились о желательности дипломатического содействия Швеции в заключении мира между Россией и Турцией, а также о посредничестве Швеции в заключении мира и союза между Россией и Англией. Россия соглашалась признать за Швецией Норвегию и содействовать ее приобретению. Затруднения возникли при обсуждении вопроса о том, каким именно будет это содействие. Шведы настаивали, чтобы в текст союзного договора было включено обязательство России отрядить войска в Швецию для того, чтобы под командой Бернадотта принять участие в диверсии против Франции. Расходы по экспедиции должны были, по мысли шведского правительства, приттись на Россию, так как у Швеции, дескать, нет денежных средств для ведения войны. Со своей стороны канцлер Румянцев требовал от Швеции более точного обязательства в вопросе о времени и характере десанта (диверсии) шведских войск на южном берегу Балтики. В это время Александр I в своих планах войны имел в виду организацию ряда диверсий в Европе, из которых одна должна была быть предпринята Швецией в Дании или Пруссии, другая — при участии Англии — во Франции, Фландрии или северной Германии, третья — в Адриатике и Тироле при участии русской дунайской армии и при поддержке южных славян, не считая, кроме того, четвертой, уже обеспеченной диверсии военных действий Англии и Испании на Пиренейском полуострове.

Но руководители русской дипломатии понимали, что даже если из северной диверсии ничего не выйдет, союзный договор обеспечит России дружественный нейтралитет Швеции, что было бы важно уже само по себе и означало бы дипломатическое поражение Наполеона. Это соображение оказалось решающим. В шведском Государственном совете также учли, что союз с Россией не только обещает большие выгоды в случае успеха в будущем, но и требует меньших затрат в настоящем.

5 апреля 1812 г. союзный договор между Россией и Швецией был подписан одновременно в Стокгольме и Петербурге. Россия и Швеция взаимно гарантировали друг другу неприкосновенность своих территорий; таким образом, Россия брала на себя обязательство вернуть Швеции Померанию, оккупированную войсками Даву. Статьи II и III договора обязывали обе стороны к общности интересов, взаимопомощи и консультации. В статье IV предусматривалась совместная диверсия русско-шведского корпуса в северной Германии; эта диверсия должна была быть произведена корпусом в составе 25—30 тыс. шведов и 15—20 тыс. русских — в пункте, который сочтен будет наиболее под-

вала денег для организации совместной экспедиции в тыл наполеоновской армии. «Английский агент Торнтон,—пишет Гнейзенау из Стокгольма Штейну в Россию,—ведет себя как скряга». Впрочем, тот же Гнейзенау признавал, что большинство шведов не хочет войны за пределами Швеции, считая ее опасной и разорительной. Без английской субсидии, заключал Гнейзенау, ее и не будет.

В августе 1812 г. Александр I сделал новую попытку использовать союзный договор со Швецией — если не для совместной диверсии в тылу противника, то хотя бы для укрепления военных сил России. В Финляндии находились еще русские войска под командой Штейнгеля. Александр I решил перебросить их на северо-западный участок фронта, к Риге. Для этого еще нужно было вновь убедиться в лояльности Швеции; дополнительной гарантией этой лояльности мог теперь служить, несмотря на бездействие шведских вооруженных сил, договор Швеции с Англией, постоянным врагом Наполеона.

Таковы были предпосылки состоявшейся в августе 1812 г. личной встречи Александра I с Бернадоттом в Або и заключения второй русско-шведской военной конвенции 30 августа 1812 г. Формально конвенция в Або предусматривала новые уступки со стороны России. Россия обязывалась довести численность своего экспедиционного корпуса на помощь Швеции против Дании до 35 тыс. человек и дать Швеции субсидию в 1500 тыс. рублей — правда, не золотом, а зерном (этот хлебный заем должен был быть погашен Швецией через 16 месяцев после присоединения Норвегии). Был определен срок прибытия русского корпуса в Швецию — 25 тыс. солдат к концу сентября и 10 тыс. — к концу ноября 1812 г. Со своей стороны Швеция обязывалась начать военные действия против Дании тотчас же по прибытии русских; поскольку в переговорах Александра I и Бернадотта принимал участие английский посол лорд Каткерт, есть все основания полагать, что эта первая заявка Александра I на Привислинский край была сделана тогда с ведома и благословения Англии. Более существенными были немедленные последствия встречи в Або. Бернадотт не возражал против переброски корпуса Штейнгеля из Финляндии к Риге и дал новую гарантию дружественных намерений Швеции; он сделал было слабую попытку получить немедленное вознаграждение в виде Аландских островов, но не настаивал на этом, когда ему возразил Александр I.

Осень 1812 г. была решающим временем войны. Александр в своих письмах к Бернадотту справедливо ссылался на невозможность для России отправить в Швецию экспедиционный корпус в согласии с буквой Абоской конвенции. Но при этом Александр 21 сентября 1812 г. совершенно неосновательно говорил о неумении Кутузова использовать Бородинское сражение; из письма вытекало, что российский император якобы рад был быть добрым союзником Швеции, да главнокомандующий российской армией ему этого не позволил. Бернадотт к его чести высказывал в ответ полное удовлетворение создавшейся военной ситуацией: «Наполеон не в состоянии получать подкрепления, а к Кутузову они поступают со всех сторон», — писал Бернадотт к Александру I (10 октября 1812 г.).

Бернадотт был доволен своим нейтралитетом; его популярность в Швеции росла, и безо всякой затраты сил он надеялся получить выгоды от войны. Только 25 ноября 1812 г., когда разгром наполеоновской «великой армии» стал совершившимся фактом, Бернадотт сам начал торопить Александра I с организацией намеченной ранее экспедиции. Бернадотт имел в виду уже не диверсию на помощь русской армии, а участие России в освобождении Европы. В этом, во всех отно-

шениях интересном письме Бернадотта мы читаем: «Усилия, которые были приложены вашим величеством (т. е. Александром I) для спасения империи, позволили мне и ранее правильно судить о благоприятном исходе борьбы с Францией. Я предвидел положение, в котором окажется император Наполеон. Ни его изобретательный ум, ни огромные ресурсы, которыми он в состоянии располагать в Германии, не позволят ему, однако, уравновесить успехи России. Мы должны теперь уничтожить последствия его рокового влияния, в свою очередь обратившись на Европейский материк. Германия — сердце Европы. Если перенести туда военные действия, то удастся раз и навсегда освободить пределы Российской державы от неприятеля». Бернадотт подчеркивал теперь, что Швеция осталась верна союзу с Россией, несмотря на проникавшие в Европу слухи о полном разгроме русской армии, несмотря, наконец, на оставление Москвы. 17 декабря 1812 г. Бернадотт составил план совместных военных операций России и Швеции в Германии и вспомнил о «немецких патриотах, которые протягивают к нам руки». Еще летом 1812 г. все мольбы этих сторонников германской независимости оставляли пылкого гасконца совершенно хладнокровным.

Наконец, 20 декабря 1812 г., т. е. тогда, когда территория России была полностью очищена от французских войск, а Наполеон бежал от армии, шведское правительство порвало дипломатические отношения с Францией и выслало французского посверенного в делах де-Жабра. Официальной мотивировкой служила оккупация шведской Померании французскими войсками; шведское правительство действовало с опозданием на 11 месяцев. Но эта мотивировка никого не обманывала. Победа России открывала возможность для желанного свержения французского господства в Европе, в чем уже давно была заинтересована Швеция, но на что она ранее не могла решиться одна или с другими союзниками.

Суммируя добытые нами результаты исследования источников, относящихся к союзу между Россией и Швецией в 1812 г., мы можем сделать некоторые общие выводы.

1. Русская дипломатия правильно оценила возможность нейтрализации Швеции в предстоящей борьбе России и Франции и добилась того, что подписанный с Швецией союзный трактат 5 апреля 1812 г. и две военных конвенции к нему (заключенные в Вильно 15 июня 1812 г. и в Або 30 августа 1812 г.) позволили России спокойно вывести свои войска из Финляндии и использовать их против Наполеона в 1812 г. Вместе с тем попытки Александра I побудить Швецию к активным действиям, когда это могло быть нужно и полезно России, все же успехом не увенчались. Но к этой неудаче русская дипломатия отнеслась с исключительным терпением, не форсируя событий вплоть до 1813 г., когда Швеция сама вступила в войну против Франции.

2. Наполеон сделал ряд ошибок в оценке политической позиции Швеции, исходя из традиционного франко-шведского согласия, и напрасно рассчитывал на исконные противоречия между Швецией и Россией. К этой неверной оценке политики Швеции Франция присоединила грубые методы «дипломатии силы», которые дали осечку, лишь только выяснилось, что за спиной русской армии Швеции нечего бояться Наполеона.

3. Наконец политика союза с Россией в 1812 г. укрепила внешнеполитическое положение и обеспечила независимость Швеции; эта политика в конечном счете сохранила шведский престол маршалу Бернадотту и его династии, когда Александр I стал, в известном смысле, главой легитимистской Европы.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Б. Ф. ПОРШНЕВ

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ФРАНЦИИ В XVII в.

В своей монографии автор ставил задачу впервые свести воедино и подвергнуть анализу весьма многочисленные, но рассеянные данные о движениях крестьянства и городского плебейства во Франции при Людовике XIII и Людовике XIV. Накопились обильные публикации документов из местных и центральных архивов об отдельных восстаниях XVII в. — преимущественно в исторических журналах большинства французских департаментов и в других краеведческих или локально-исторических изданиях или исследованиях. Много сведений о восстаниях в различных провинциях и городах имеется в мемуарах XVII в., в прессе, в опубликованной, административной переписке, в государственных бумагах Ришелье, Мазарини, Кольбера. Чрезвычайно ценные неопубликованные источники — некоторые письма и донесения с мест из архива канцлера Сежье хранятся в Отделе рукописей Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина. Конечно, во французских архивах лежит еще огромный, никак не опубликованный и не изученный материал о народных движениях XVII в., пока оставшийся мне недоступным. Но и на данной ступени публикации источников вполне созрел для монографического исследования и для вполне обоснованных выводов и обобщений.

В сумме все собранные исторические данные показывают, что XVII век, классический век абсолютизма во Франции, был и классическим веком народных восстаний. Вполне закономерно связан между собой эти два факта: абсолютизм существовал и развивался в ожесточенном противоборстве с движениями низших классов общества, в особенности крестьянства. Косвенный свет на классовую природу абсолютизма как защитника феодальных основ общественного строя, проливает изучение требований восставших масс, а также анализ социально-экономических предпосылок восстаний. Сопоставление этих данных приводит к выводу, что королевские налоги, борьба с которыми обычно стоит в восстаниях на первом плане, принципиально не могут быть противопоставлены сеньериальной эксплуатации и являются по экономической природе не чем иным, как централизованной феодальной рентой, хотя между обоими этими видами ренты — сеньериальной и централизованной — существует соперничество из-за крестьянского прибавочного продукта, соперничество, во избежание которого абсолютистское государство старается перенести главную тяжесть обложения с крестьян на буржуазное богатство (меркантилизм). Во время Кольбера, поощрявшего торговлю и промышленность, имела место сеньериальная реакция в деревне, т. е. произошло увеличение феодальных поборов с крестьян. Эта сеньериальная реакция вызывала рост крестьянских восстаний, которые подавлялись растущей военной силой дворянского абсолютистского государства. Военные реформы Лулуа к 80-м годам XVII в. создали гигантский перевес сил на стороне власти, чем и объясняется исчезновение с этого времени свидетельств о крупных и длительных восстаниях (за исключением восстания камизаров).

В городах главной движущей силой бесчисленных восстаний и бунтов XVII в. были те элементы населения, которые Энгельс назвал городским плебейством, а именно: 1) обедневшие ремесленные мастера, 2) подмастерья и наемные рабочие, т. е. пролетариат, 3) деклассированное население — нищие, поденщики, прутьички и т. д. Восстания здесь, как и в деревне, начинаются с борьбы против налогового гнета. В дальнейшем восстания развиваются, с одной стороны, в направлении борьбы со всей государственной, в том числе и муниципальной, администрацией, с другой стороны — в направлении борьбы с покупателями доходных фискальных должностей и откупщиками налогов, а в перспективе — и со всеми вообще богатыми. Тождество исходной задачи — борьбы с налогами — открывало возможность слияния крестьянского и плебейского восстаний, что и составляет характерную черту всех крупных народных движений XVII в. Крестьяне, если им удавалось ворваться в городские ворота, совместно с плебейством грабили и жгли налоговые конторы и дома лиц, связанных с фиском, уничтожали этих лиц, так же как и защищавших порядок муниципальных и провинциальных чиновников. В известной мере восстания грозили жизни и имуществу почти всей зажиточной буржуазии, поскольку в XVII в.

богатый горожанин, как правило, вкладывал свои накопления в покупку той или иной долижности, делавшей его причастным или к местной администрации, или же, чаще, — непосредственно к фиску и откупам.

Все законные буржуа во Франции в XVII в. были организованы по городам в вооруженную милицию, так называемую «буржуазную гвардию», которой принадлежала крупное место в общем балансе реальных сил внутри государства. Решительная поддержка «буржуазной гвардией» крестьянско-плебейских восстаний превратила бы их в буржуазно-демократическую революцию. Но, как правило, поведение «буржуазной гвардии» во время восстаний сводится к следующей схеме: сначала — выжить в действительности нейтралитет или даже косвенное поощрение, невыполнение приказов муниципалитета рассеять бунтовщиков оружием; затем, рано или поздно, — выступление против восставших, уличные бои с толпой, вооруженной, разумеется, неизмеримо хуже, и, наконец подавление восстания, обычно рука-об-руку с отрядами местных дворян и королевских войск. В этом поведении «буржуазной гвардии» отражается отношение французской буржуазии XVII в. к абсолютизму в целом. Налоговый гнет абсолютистского государства тяжело давал не только на трудящиеся классы, но и на буржуазию и побуждал ее сочувствовать народным антиналоговым восстаниям. Но объединиться с народом в русло революции французская буржуазия в XVII в. еще не решалась. Ее лугала угроза частному имуществу, обнаруживавшаяся в ходе восстаний. К тому же верхушка буржуазии была заинтересована в монополиях, откупах и привилегиях, предоставлявшихся ей абсолютизмом, вложила значительные капиталы в приобретение государственных должностей и сенеральных прав. Со своей стороны, французский абсолютизм XVII в. поддерживал буржуазию, приобщая ее к привилегиям, широко открывал ей дорогу к государственным должностям и одворяниванию, помимо фискальных мотивов еще и потому, что этим он парализовал тенденции к ее политическому объединению с революционным народом, т. е. до поры до времени предотвращал возможность буржуазной революции.

Таким образом, детальное изучение народных восстаний выявляет анатомию всего французского общества XVII в.: и внутреннее строение каждого класса, и соотношения классов между собой. На этом фоне, между прочим, в совершенно новом свете раскрывается природа общего политического кризиса феодально-абсолютистской системы, известного под названием Фронды (1648—1653). Изучение народных восстаний дает также материал для характеристики административно-судебной, финансовой и военной структуры Франции, ибо история восстаний всегда освещает новым светом те или иные институты, как будто уже хорошо известные историкам. С другой стороны, изучение восстаний дает много для понимания социально-экономического строя Франции XVII в., в аграрной части почти совершенно еще не тронутого историками. Наконец, история стихийных народных восстаний, как оказалось, глубоко связана еще с одной важной областью: с развитием общественных учений и политических теорий XVII—XVIII вв. во Франции. Абсолютистская доктрина целиком сложилась на почве опыта борьбы с народными восстаниями, в связи с задачами их предотвращения и подавления. Антиабсолютистская доктрина в той или иной мере черпала свои идеи и чувства из того же опыта. Наиболее глубоко и полно он обобщен в «Завещании» Мелье — подлинном идейном завещании французских народных движений XVII в.

Хотя в XVIII в. народные движения во Франции по ряду причин значительно ослабели, их преемственная цепь все же тянется вплоть до великой буржуазной революции 1789 г. Можно сказать, что крестьянские и плебейские массы, главные движущие силы этой революции, принесли в нее опыт своей борьбы с абсолютизмом и феодализмом, выкованный и накопленный длинным рядом поколений. Идеиное знание революции, французское «Прозвещение» также несло на себе незагладимую печать своей генетической связи с идеями Мелье и антиабсолютистской литературой времен Людовика XIV и тем самым — с наследием народных восстаний XVII в.

Вся монография состоит из двух частей, соответственно двум главным циклам народных восстаний, разделенным годами Фронды. Первая часть охватывает 20—40-е годы, вторая 50—70-е годы XVII в. В пределах каждой части сочетается обобщающий метод с локальным: наряду со сведениями в общую хронологическую картину всех восстаний и их характеристикой, одно местное восстание в каждом цикле выделено с целью максимально подробного и развернутого изучения: для первого цикла это — восстание «босонюгих» в Нормандии в 1639 г., для второго — бретонское восстание 1675 г. Таким образом, локально-исторический центр тяжести всего исследования в целом находится в северной Франции.

Первой части предпославо общее введение ко всей работе, носящее название: «Чем было третье сословие во Франции XVII века». Первая часть монографии носит название: «Восстание «босонюгих» в Нормандии в 1639 г. в связи с прочими народными движениями 20—40-х годов XVII века». Здесь дана обобщающая характеристика всех известных в настоящее время крестьянских и плебейских восстаний того времени — от крупных жакерий, охватывавших подчас, как, например, в 1636—1637 и 1643—1644 гг., свыше четверти территории Франции, до разрозненных городских

бунтов. Детально рассмотрены восстание «босоногих» и история подавления этого восстания, из которого Ришелье хотел сделать «примерный урок» для всей Франции. Экономика Нормандии и воздействие на нее налогового гнета освещены на основании докладных записок интендантов и наказов провинциальных штатов. Вторая часть монографии носит название «Восстание в Бретани в 1675 г. в связи с прочими народными движениями 50—70-х годов XVII века». Каждое из восстаний 50—70-х годов изучено на основании всей совокупности имеющихся прямых источников и косвенных данных, в ряде случаев довольно обильных. Опубликованная многотомная переписка Кольбера дает возможность погодно проследить его борьбу с народными восстаниями и заботы об укреплении феодально-абсолютистского порядка. Детально рассмотрено городское и крестьянское движение в Бретани в 1675 г.

Много внимания уделено характеристике состояния торговли и промышленности в Бретани в XVII в.—на основании, главным образом, докладных записок (memoires) интендантов. В Бретани различимы два равных торгово-промышленных уклада: архаический, связанный с деятельностью торгового капитала на феодальной почве, и новый, промышленно-капиталистический, страдавший от налогового гнета значительно сильнее, чем первый. Здесь же дан анализ ценнейших программных документов, сохранившихся от этого восстания («Уложение», «Прошение простонародья» и др.). Они дают возможность вскрыть основные черты феодального гнета в бретонской деревне, в том числе и факт сенъериальной реакции 50—70-х гг. XVII в.

Заключение, или эпилог, ко всему исследованию носит название: «Историческое наследие народных восстаний XVII века». Здесь, во-первых, дан краткий обзор народных движений во Франции с конца XVII в. до революции 1789 г., во-вторых, намечены основные линии влияния народных движений XVII в. на общественные и политические теории XVIII—XVIII вв., причем главное внимание уделено мировоззрению теоретика народной революции — Жана Мелье. Эта заключительная часть представляет в сущности контуры новой темы и могла бы разрастись в целую самостоятельную работу.

Б. А. РЫБАКОВ

РЕМЕСЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ

Три важнейших раздела средневекового хозяйства — земледелие, ремесло и торговля — очень неравномерно изучены русской историографией. Больше всего внимания уделено древнерусской торговле. Одностороннее изучение торговли нередко приводило к слишком высокой оценке ее исторической роли и к искаженному изображению всей средневековой экономики. История русского ремесла оставалась в тени; специальных исследований написано было мало, а написанное очень незначительно влияло на общенациональные работы.

Накопленный в настоящее время материал позволяет заново пересмотреть вопросы, связанные с ремеслом, и уяснить его роль в русском историческом процессе. Это возможно при условии привлечения всех доступных источников, как письменных, так и вещественных, а также данных этнографии и истории техники.

Выделение специалистов-ремесленников ранее всего происходит в Среднем Приднепровье, что обусловлено важной исторической ролью этого района для восточнославянских племен, подготовленной всем предшествующим развитием как в скифский, так и в римско-сарматский период. В скифское время земледельческое население Среднего Приднепровья существенно отличается по уровню своего производства от более северных племен. Широко применяется добыча железа и ковка его, литье меди, тиснение золота; создаются устойчивые типы керамики (глиной). Открытие железа уравнивает производственные возможности южных (скифских) и северных лесных племен, но различие между ними долго поддерживается большой близостью Юга (Среднее Приднепровье, Полесье) к мировым культурным центрам.

Решение вопроса о происхождении русского ремесла связано с пересмотром «готской проблемы», являющейся одной из основ немецкой националистической концепции. Относимые обычно к готам предметы с выемчатой эмалью привлекнее связывать с приднепровскими славянскими племенами III—IV вв. н. э., находящимися под воздействием римской культуры. Культура полей погребальных урн, распространенная на обоих берегах Среднего Днепра, знает ряд сложных производств, возникших под воздействием римской культуры. Помимо обработки железа и меди появляется искусство выемчатой эмали (особый днепровский вариант общеварварских эмалей), появляется гончарный круг и производство черной лощеной посуды. Совершенствуется обработка кости (пропильные тесла и другие изделия). Все эти производства связаны с выделением специалистов-ремесленников, которое произошло в IV—V вв. н. э. Северные племена находятся на более примитивном уровне позднедьяковской культуры, но и там выделяются кузнецы, готовые для обмена железом. Литьем меди на севере занимаются женщины. Гончарного круга нет. Исключением из числа северных племен является среднее течение Оки, где по П. П. Ефименку в это время выделялись, кроме кузнечного, и ювелирное ремесло.

Алтский период VI—VII вв. начинается с завоевательных походов на Византию, во время которых исчезает римская провинциальная культура приднепровских областей. Исчезает (как и повсеместно в Европе в V в.) производство выемчатых эмалей, исчезает гончарный круг. Ремесленный характер сохранило лишь ювелирное производство (о кузнечном нет данных, но его можно допредполагать). По боспорским образцам на Днепре создается производство медных лучевых (пальчатых) фибул. Часть этих фибул попадает в Крым и на Оку. В конце VII в. золотокузнецы приднепровских князьков изготавливают вещи тех же типов, что и массовые, но более роскошные по материалу и отделке. В производстве золотой посуды чувствуется подражание привозным сасанидским образцам.

В хазарский период — VIII и ст. лети IX в. возрастающая роль земледелия на севере несколько уравнивает хозяйственный облик Юга и Севера. Важнейшим фактом в истории ремесла этого периода является возникновение ремесленных поселков со многими производствами (кузнечное, литейное, гончарное, косторезное, ювелирное). Такие поселки превращаются в города. Гончарного круга в VIII в. еще нет, но на юге в области романской культуры происходит постепенное внедрение круглой посуды, приводящее в IX в. к введению гончарного круга Юго-восточные племена, втянутые в орбиту ирано-арабского культурного мира, воспроизводят привозные образцы оружия и украшений. На северо-востоке выделяются женщины-ремесленницы (литейщицы), но этот процесс в дальнейшем прекращается, и литейное дело перехо-

дит к кузнецам. В IX в. и на юге и на севере уже выделались в ремесло кузнечное дело, литейно-ювелирное, гончарное и косторезное.

Дальнейшее развитие ремесла идет двумя путями с одной стороны, растет доравенское ремесло, с другой — быстро обгоняющее его ремесло городское.

Одним из важнейших переломных моментов в истории Киевской Руси является IX век, когда в дополнение к существовавшим ранее техничским приемам появились новые приемы обработки железа и стали, появился гончарный круг, туансовая чеканка, выемчатая чернь, зернь и выемчатая эмаль (кеттлахского типа). Некоторые из этих явлений были результатом тесных взаимоотношений с ирано-арабской культурой, другие же были развитием местных приднепровских навыков. Следующим периодом расцвета была вторая половина и особенно конец X столетия, когда налаживается производство шлемов, кольчуг, плоскорельфная чеканка, волочение проволоки и филигрань, клейма мастеров на гончарных изделиях. К концу столетия возникают три сопряженных между собой производства: эмаль, стекло и эмалевая полива на строительной декоративной керамике. Перенесение этих производств на киевскую почву, вероятно, связано с усилением русско-византийских отношений при Ольге и Владимире.

Для IX—X вв. характерно ведущее значение Киева и других городов Среднего Приднпровья. Из более северных городов можно назвать лишь Смоленск. Новгород в это время еще не приобрел ведущего значения для северных областей.

То новое, что появилось во второй половине X в. в ремесленной технике, тесно связано с обслуживанием княжеского двора, — от постройки дворца до вооружения княжеских дружинников. Совершенствовалось придворное производство, вотчинное ремесло. Впрочем, наряду с ним существовало и свободное посадское ремесло. Примерно в середине XI столетия у различных ремесленников появляется тенденция к ускорению процесса производства, к некоторой его механизации (крошечная чеканка заменяется штампованием на матрицах); литейщики, озабоченные выпуском массовой продукции, переходят к литью в прочных и долговечных каменных литейных формах. Наряду с этим стремлением к массовости продукции, охватывавшим и вотчинных ремесленников, некоторые группы мастеров переходят к уточненной обработке каждой отдельной вещи. Особенно выделяются здесь новгородские ювелиры-чеканщики. Примерно в это же время налаживается широкое производство замков и мечей особого русского типа в Киеве.

Расцвет городского ремесла наступает около середины XII в. и продолжается вплоть до самого татарского нашествия. Может быть, здесь сказалась большая полнота источников, но культура русских княжеств XII—XIII вв. предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику. Даже в небольших городах имеются сложные домины для варки железа, несколько систем гончарных горнов. Культура растет и шири, охватывая все большее и большее число городов. В этом отношении показательны появление и выделка кирпича и развитие каменного строительства во многих городах. Киев и Среднее Приднпровье, оставаясь высококультурными областями, перестают быть единственными средоточиями культуры. Наряду с этими старыми центрами на основе взаимосвязей с ними возникает столь же сложное и разветвленное ремесло во Владимире, Рязани, Новгороде, Галиче, Полоцке и других городах.

Наметившиеся в прошлый период два направления в ремесле — массовое и индивидуальное — еще резче выступают теперь. Стремление к массовости сказалось в совершенствовании техники двустороннего литейного металла, в появлении басменного тиснения. Особенно интересно появление имитационных литейных форм, при помощи которых мастера сравнительно просто в широких масштабах воспроизводили в дешевом материале (бронза) сложные изделия придворных ремесленников.

Техника изготовления многих предметов свидетельствует о переходе ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. Об этом же говорит и стандартность некоторых видов изделий (например железные замки). Мастера, работавшие на заказ, как бы соревнуясь с подражавшими им посадскими ремесленниками, усложняют изделия, совершенствуют свою технику, добиваясь виртуозного исполнения отдельных вещей. Творческая мысль русских мастеров второй половины XII — начала XIII в. опережала развитие техники передовых стран Западной Европы.

Блестящая культура Киевской Руси, воспетая русскими средневековыми поэтами и северными сказителями саг, в значительной степени обязана своим расцветом развитию русской промышленности, русского ремесла. Тысячи деревенских кузнецов по Днепру и по Волхову, по Волге и Оке ковали ломехи плутов для валашки полей, сотни оружейников закалывали сталь для победы над многочисленными врагами, а в ювелирных мастерских «златокузнецы» создавали тончайшие узорочки из бронзы, серебра и золота, украшенное филигранью, чернью и невывцветающими красками эмали.

Попытки немецких «историков» принизить и умалить значение русской культуры бесплодны. Свидетельства современников достаточно красноречиво говорят о высоком мастерстве русских ремесленников X—XII вв. Русский книжник XII в. по поводу одной ювелирной работы так отзывается о мастере: «и тако украсе добре, яко не могу сказати оного ухищрения по достоянию довольно, яко многим, приходящим от Грек и

иных земель глаголоти: «нагде же сшея красоты бысть!». Византийский писатель Иоанн Цецетес в XII в. писал стихи, в которых прославлял русскую резьбу по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом. Но из всех современных свидетельств о русском ремесле, пожалуй, самым интересным является предисловие к известному трактату Теофила, посвященному технике различных художественных ремесел. Там в определенном порядке перечислены страны, прославившие себя тем или иным видом ремесла. В этом почетном списке передовых стран Европы и Востока Киевская Русь поставлена на второе место (уступая первенство лишь Византии), впереди Аравии, Италии, Франции и Германии.

Расцвет русского ремесла в IX—X вв. был подготовлен всем предшествующим развитием Среднего Приднепровья. Историческая роль Киева была создана не отрядами варяжских авантюристов, а всем ходом развития хозяйственных и общественных сил Приднепровья, скрытым от нас отчасти литературным талантом автора «Повести временных лет», а отчасти норманистическим туманом, позволявшим разглядеть лишь преувеличенные тени готов и варягов.

Анализ местных изделий VI—VIII вв. показал, что земля полина была достаточно богатой и обладала самостоятельной культурой, которая в VIII в. была оплодотворена воздействием сильнейшей средневековой культуры арабско-иранского Востока. Быстрое усвоение и переработка восточных форм и восприятие восточной техники сделали Киев проводником арабско-иранского влияния в Центральной Европе. К IX—X вв. в Киевской Руси существовало ремесло восточное, деревенское и городское. Доказательством существования свободного городского ремесла в IX—X вв. является равноправное погребение ремесленников на общегородских кладбищах. В это время можно уже считать выделившимися целый ряд ремесленных специальностей, как, например: кузнецы оружейники, бронники, ювелиры, гончары, литейщики, резчики кости, а к концу X столетия — эмалиеры и стеклоделы.

В X в. расширяется сеть русских городов, а такие крупные центры, как Киев, привлекают к себе значительные массы нового населения. В это время к транзитной торговле Киева присоединяется экспорт русских ремесленных изделий (окань, серебро с чернью, эмаль и др.) в Чехию, Польшу и к балтийским славянам. В результате этого экспорта устанавливается влияние Киева, «соперника Константинополя», на целый ряд западнославянских областей.

В XI в. русское городское ремесло выступило с богатым запасом технических навыков. Деревня и город были еще совершенно разобщены. В деревнях существовали кузнецы, литейщики-ювелиры и гончары; обслуживаемая этими ремесленниками деревня жила небольшим замкнутым мирком. Район сбыта продукции был крайне мал — 10—15 километров в радиусе. Несмотря на это, ремесло было уже достаточно развито — гончары клеймили свои изделия клеймами и передавали мастерство по наследству, кузнецы, старейшие из всех ремесленников, выделявшиеся еще на высшей ступени варварства, были окружены космогоническими легендами и мифами, приоткрывающими интереснейшую страницу славянского язычества (миф о Святогоре-Гефесте и о Свароге-Прометее).

В XI в. первоначальная полная замкнутость начинает нарушаться. В киевском княжестве возникает, в ряде селений под Овсучем, промысел по изготовлению пряслиц из розового шифера; в это же время в самом Киеве начинают работать мастерские по выделке стеклянных браслетов и мастерские выемчатых эмалей, налаживается серийное производство замков. Вся продукция этих производств расхищалась по самым дальним и глухим углам Русской земли. Продукция городских мастеров оказалась на рынке и притом настолько широком, что предполагается наличие специальных торговцев, «гостебеников» и может быть даже скупщиков, известных в это время и в Западной Европе. Часть ремесленной продукции (шиферные пряслица) в XI—XII вв. вывозились за границу (Польша, Волжская Болгария, Херсонес). Продукция киевских эмалиеров и керамистов часто встречается в Швеции.

Под влиянием появившихся связей с рынком русские ремесленники XI—XII вв. совершенствуют свою технику, стараясь обеспечить массовый выпуск продукции (например применные каменных литейных форм, замки чеканки штамповой и т. д.). Количество специальностей городских ремесленников неуклонно возрастает. В XII в. развитие ремесла продолжается. В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общевосточного ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных иранских образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами.

В XII в. создается целый ряд новых ремесленных центров со своими особенностями в технике и стиле. Но никакого упадка ремесла со второй половины XII в., как это иногда утверждается, мы не наблюдаем ни в Киеве, ни в других местах. Наоборот, культура ширится, охватывая новые области и изобретая технические приемы. Жизнеспособность и полнокровность русской культуры и в частности ремесла сказались в том, что во второй половине XII и в XIII в., несмотря на небла-

гоприятные условия феодальной раздробленности, русское ремесло достигло наиболее полного технического и художественного расцвета, а сами ремесленники, после ряда восстаний завоевали себе место в системе феодального города, участвуя в ополчении, ставя своих представителей рядом с высшими органами власти.

В технике эмали, золотой росписи по меди, в технике черни и скани и в изготовлении тончайших литейных форм русские мастера опередили своих западноевропейских собратьев.

Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом северноитальянских городов этой же эпохи. Монгольское нашествие самым тяжелым образом нарушило русскую экономику в целом и в том числе городское ремесло. Каменное строительство прекратилось в одних областях на 100, а в других (Новгород) на 60 лет, исчезло и производство поливной строительной керамики, возродившееся лишь 250 лет спустя, в конце XV в. Совершенно было забыто искусство перегородчатой эмали. Широкое применение эмали (упрощенного типа) наблюдается лишь 300 лет спустя после монголов, в XVI в. То же самое нужно сказать и о черни. Филигранный орнамент появляется только через 150 лет, на этот же срок задержалось и применение тиснения металла. Производство стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, сложной глиняной посуды — все это было совершенно забыто после татар. К этому прибавилось уничтожение той части ремесла, которая работала на широкий деревенский рынок (возродилась лишь в XV в.).

Татарское нашествие действительно явилось печальным рубежом в истории русской культуры, задержавшим ее развитие на 150—200 лет, именно на тот период, когда передовые страны Западной Европы начали быстро и бурно развиваться.

Как и следовало ожидать, менее чем другие области пострадал от татарского ига Новгород, в котором сохранились некоторые технические приемы домонгольской Руси (например производство кирпича, полваная керамика, скань, наводка золота). Но в XIII столетии и в Новгороде развитие культуры было задержано.

После монгольской эпохи русское ремесло распадается на два периода: первый из них (до середины XIV в.) характеризуется медленным восстановлением разрушенного татарами. Второй период (вторая половина XIV в.) ознаменован целым рядом крупных технических достижений, а также появлением сложной социальной организации городского ремесла. Появляются водяные мельницы; с этого времени подымается двигатель начинает завоевывать важное место в промышленности; применяется сложное глубокое бурение соляваренных скважин; появляется артиллерия, увеличивающая (как и два предшествующих явления) спрос на железо; вместо дорогого пергамента появляется бумага, облегчившая размножение книг; возникают мастерские по изготовлению книг; применяется массивное литье, требовавшее сложного оборудования (колокола, а впоследствии и пушки); возникают меднолитейные мастерские для художественного литья, в связи с чем прекращается механическое воспроизведение домонгольских образцов; начинается чеканка монет; возрождается искусство скани; усваивается производство выемчатой эмали; каменное зодчество достигает своего расцвета.

Несмотря на явную неполноту приведенного перечня, мы все же видим, что материальная культура русских княжеств значительно обогатилась во второй половине XIV в.

В дальнейшем, в течение XV столетия, техника продолжает развиваться, но развитие это идет более спокойными темпами до середины столетия, когда вновь появляется ряд новшеств. Подъем производительных сил в эпоху Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича нужно рассматривать в связи со всеми явлениями русской жизни того времени, представляющими особый интерес именно в своей совокупности.

Городские ремесленники XIII—XV вв. селились компактными производственными гнездами, иногда совпадавшими с уличанским и сотенным делением города. Кроме улиц и сотни, формой объединения городских ремесленников был торговый ряд, обладавший также собственной юрисдикцией. Городские ремесленники в XIII—XV вв. активно участвовали в классовой борьбе, выступая против центробежных тенденций местного боярства и ориентируясь на московского князя, чем содействовали процессу сложения русского национального государства. Характерное для средневекового города еретическое движение было хорошо знакомо русским городам XIV—XV вв. Косвенные данные позволяют предполагать в крупнейших русских городах XIV—XV вв. (вроде Новгорода и Пскова) наличие ремесленных корпораций, близких по своему характеру к западноевропейским цехам. Прямых указаний источников на существование в русских городах XIV—XV вв. ремесленных корпораций с сформированными уставами в нашем распоряжении нет. Источники последующей эпохи (XVI—XVII вв.) содержат ряд разрозненных данных об элементах цехового строя в русских городах. Нередко эти элементы находятся уже в стадии разложения, что может свидетельствовать об извечной длительности их предшествующего развития. Общая обстановка развития городского ремесла (степень дифференциации, техническая оснащенность, участие ремесленников в городском самоуправлении, ожесточенная классовая борьба) позволяет сопоставлять наиболее крупные русские города XIV—XV вв. с городами

Западной Европы, для которых на этом этапе характерно развитие ремесленных корпораций.

Рядом косвенных данных о русских средневековых корпорациях позволили установить: существование христианских покровителей кузнечного дела (Кузьма и Демьян); наличие кузьмодемьянских перекрестков в городах XII—XVII вв.; расположение церквей во имя покровителей кузнечного ремесла в суконных слободах XIV—XVII вв.; существование в Новгороде в XIV в. пиров-братств по ремеслам Кузьмы и Демьяну. Предположительно устанавливается участие в XIV в. представителей Кузьмодемьянского братства кузнецов (?) в предании городом (владыка Василий Калыка, 1331—1353 гг.).

Ответственный редактор академик В. П. Волгин

Л50634

Подписано в печать 8.V.1944

2³/₄ печ. л.

4 уч.-изд. л.

Тираж 1000 экз.

Цена 6 руб

Заказ № 385

18-я типография треста «Полиграфкинига» ОГИЗа при СНК РСФСР,
Москва, Шубинский пер., 10